

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Направление подготовки

Профиль

Кафедра «Социология, экономическая
теория и международные процессы»

41.03.05 «Международные отношения»

Мировая политика и международный
бизнес

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

**Политические аспекты современных этнотерриториальных конфликтов в
регионах мира**

Студент

Шмоленко
Анастасия
Юрьевна

подпись, дата

Руководитель

Кафтулина Ю. А.

подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

подпись, дата

Пенза 2025

**ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Социология, экономическая теория и международные процессы»
Направление подготовки 41.03.05 «Международные отношения», профиль
«Мировая политика и международный бизнес»**

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., профессор Рожкова Л. В.

« ____ » _____ 20__ г.

**ЗАДАНИЕ
НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ**

студенту Шмоленко А. Ю., группа 21ЭА1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Политические аспекты современных этнотерриториальных конфликтов в регионах мира

утверждена приказом по университету

от « ____ » _____ 20__ г. № _____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 5.06.2025.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: теоретические аспекты изучения этнотерриториальных конфликтов; политическая динамика этнотерриториальных конфликтов в современных регионах; международное вмешательство и пути урегулирования этнотерриториальных конфликтов.

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 26.11.2024.

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	26.11.2024 – 10.12.2024	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	11.12.2024 – 8.01.2025	
3	Написание Главы 1	9.01.2025 – 18.02.2025	
4	Написание Главы 2	19.02.2025 – 24.03.2025	
5	Написание Главы 3	25.03.2025 – 2.05.2025	
6	Написание введения и заключения	4.05.2025 – 12.05.2025	
7	Оформление ВКР	13.05.2025 – 22.05.2025	
8	Сдача ВКР нормоконтролю, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	23.05.2025 – 3.06.2025	
9	Ознакомление с отзывом руководителя	4.06.2025	
10	Представление законченной бакалаврской работы, передача в ГЭК	5.06.2025	

Руководитель _____ / Ю. А. Кафтулина /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____ / А. Ю. Шмоленко /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 65 с., 3 ч., 7 рис., 1 табл., 80 источников, 5 прил.

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ, РЕГИОНЫ МИРА, ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, БЛИЖНИЙ ВОСТОК, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Объект исследования – этнотерриториальные конфликты как социально-политическое явление.

Цель работы заключается в исследовании политических аспектов современных этнотерриториальных конфликтов на основе анализа их причин, динамики и путей урегулирования.

Методологическую основу работы составили эволюционно-институциональный и сравнительно-исторический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции.

Результаты работы: рассмотрены теоретические основы изучения этнотерриториальных конфликтов, включая ключевые концепции и подходы; выявлены причины и политические факторы возникновения этнотерриториальных конфликтов; проанализированы этнотерриториальные конфликты на постсоветском пространстве на примерах Нагорного Карабаха и осетино-ингушского конфликта; исследованы этнотерриториальные конфликты на Ближнем Востоке и Африке на примерах курдского вопроса и конфликта в Сахеле; была оценена роль международных организаций, государств и цифровых технологий в урегулировании этнотерриториальных конфликтов.

Рекомендации по внедрению. Результаты проведенного исследования политических аспектов современных этнотерриториальных конфликтов могут быть внедрены в различных сферах государственного управления, международного сотрудничества и научно-образовательной деятельности. Прежде всего, выводы работы могут быть использованы при разработке стратегий предотвращения и урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке и в Африке.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в комплексном анализе политических аспектов этнотерриториальных конфликтов с учетом современных вызовов, таких как цифровизация, геополитическая конкуренция, а также в выявлении роли международного вмешательства и путей урегулирования.

Прогнозные предположения о развитии объекта исследования. Сохранение высокой актуальности этнотерриториальных конфликтов в ближайшие десятилетия. Вероятно усиление конфликтogenicности в регионах с незавершенными процессами национального самоопределения (Карабах, Курдистан, Сахель) и на территориях с искусственными колониальными границами. Технологическая составляющая конфликтов будет усиливаться за счет кибератак и цифровой пропаганды.

Summary

Bachelor's thesis 65 pages, 3 parts, 7 figures, 1 table, 80 sources, 5 appendices.

ETHNOTERRITORIAL CONFLICTS, REGIONS OF THE WORLD, THE POST-SOVIET SPACE, THE MIDDLE EAST, INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

The object of the study is ethnoterritorial conflicts as a socio-political phenomenon.

The purpose of the work is to study the political aspects of modern ethnoterritorial conflicts based on the analysis of their causes, dynamics and ways of settlement.

The methodological basis of the work is the evolutionary-institutional and comparative-historical approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction.

Results of the work: the theoretical foundations of the study of ethnoterritorial conflicts, including key concepts and approaches, are considered; the causes and political factors of the emergence of ethnoterritorial conflicts are identified; ethnoterritorial conflicts in the post-Soviet space are analyzed using the examples of Nagorno-Karabakh and the Ossetian-Ingush conflict; ethnoterritorial conflicts in the Middle East and Africa are studied using the examples of the Kurdish issue and the conflict in the Sahel; the role of international organizations, states and digital technologies in the settlement of ethnoterritorial conflicts is assessed. Recommendations for implementation. The results of the study of the political aspects of modern ethnoterritorial conflicts can be implemented in various areas of public administration, international cooperation and scientific and educational activities. First of all, the findings of the work can be used in developing strategies for the prevention and resolution of conflicts in the post-Soviet space, the Middle East and Africa.

The theoretical and practical significance of the work lies in the comprehensive analysis of the political aspects of ethnoterritorial conflicts, taking into account modern challenges such as digitalization, geopolitical competition, as well as in identifying the role of international intervention and ways of settlement.

Forecast assumptions about the development of the research object. Maintaining high relevance of ethnoterritorial conflicts in the coming decades. Conflict potential is likely to increase in regions with unfinished processes of national self-determination (Karabakh,

Kurdistan, Sahel) and in territories with artificial colonial borders. The technological component of conflicts will be aggravated by cyberattacks and digital propaganda.

Zusammenfassung

Bachelor-Arbeit 65 s., 3 Uhr, 7 Abb., 1 Tabelle., 80 Quellen, 5 adj.

ETHNOTERRITORIALE KONFLIKTE, REGIONEN DER WELT, POSTSOWJETISCHER RAUM, NAHER OSTEN, INTERNATIONALE ORGANISATIONEN

Gegenstand der Studie sind ethnoterritoriale Konflikte als gesellschaftspolitisches Phänomen.

Ziel der Arbeit ist es, die politischen Aspekte moderner ethnoterritorialer Konflikte anhand ihrer Ursachen, ihrer Dynamik und ihrer Lösungswege zu untersuchen.

Die methodologische Grundlage der Arbeit bildeten evolutionär-institutionelle und vergleichshistorische Ansätze, Methoden der Analyse, Synthese, Induktion, Abzug.

Ergebnisse der Arbeit: Die theoretischen Grundlagen für das Studium ethnoterritorialer Konflikte, einschließlich wichtiger Konzepte und Ansätze, wurden untersucht, Ursachen und politische Faktoren für ethnoterritoriale Konflikte identifiziert, ethnoterritoriale Konflikte im postsowjetischen Raum anhand von Beispielen aus Berg-Karabach und dem ossetisch-inguschischen Konflikt analysiert, Ethno-territoriale Konflikte im Nahen Osten und Afrika anhand von Beispielen aus der kurdischen Frage und dem Konflikt in der Sahelregion untersucht; die Rolle internationaler Organisationen, Staaten und digitaler Technologien bei der Beilegung ethnoterritorialer Konflikte wurde gewürdigt.

Richtlinien für die Implementierung. Die Ergebnisse der durchgeführten Untersuchung der politischen Aspekte moderner ethnoterritorialer Konflikte können in verschiedenen Bereichen der öffentlichen Verwaltung, der internationalen Zusammenarbeit und der wissenschaftlichen und Bildungstätigkeit umgesetzt werden. Vor allem können die Ergebnisse der Arbeit bei der Entwicklung von Strategien zur Konfliktprävention und -lösung im postsowjetischen Raum, im Nahen Osten und in Afrika verwendet werden.

Die theoretische und praktische Bedeutung der Arbeit besteht darin, die politischen Aspekte ethnoterritorialer Konflikte umfassend zu analysieren, unter Berücksichtigung moderner Herausforderungen wie Digitalisierung, geopolitischer Wettbewerb und die Rolle internationaler Interventionen und Lösungswege zu ermitteln.

Zukunftsgerichtete Annahmen über die Entwicklung des Forschungsobjekts. Die Aufrechterhaltung der hohen Relevanz ethnoterritorialer Konflikte in den kommenden Jahrzehnten. In Regionen mit unvollständigen Prozessen der nationalen Selbstbestimmung (Karabach, Kurdistan, Sahel) und in Gebieten mit künstlichen Kolonialgrenzen ist es wahrscheinlich zu einer verstärkten Konfliktfähigkeit gekommen. Die technologische Komponente von Konflikten wird durch Cyberangriffe und digitale Propaganda verstärkt.

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретические аспекты изучения этнотерриториальных конфликтов ...	6
1.1 Понятие и сущность этнотерриториальных конфликтов	6
1.2 Причины и политические факторы возникновения этнотерриториальных конфликтов	12
Глава 2 Политическая динамика этнотерриториальных конфликтов в современных регионах	20
2.1 Конфликты на постсоветском пространстве: Нагорный Карабах и осетино-ингушский конфликт.....	20
2.2 Этнотерриториальные конфликты на Ближнем Востоке и в Африке: курдский вопрос и противостояние в Сахеле	29
Глава 3 Международное вмешательство и пути урегулирования этнотерриториальных конфликтов.....	41
3.1 Роль политических стратегий государств и международных организаций в разрешении конфликтов.....	41
3.2 Влияние цифровых технологий на урегулирование этнотерриториальных конфликтов.....	45
Заключение.....	50
Список использованных источников.....	52
Приложение А	60
Приложение Б	62
Приложение В	63
Приложение Г.....	64
Приложение Д	65

Введение

Этнотерриториальные конфликты остаются одной из наиболее острых и устойчивых форм социально-политического противостояния в современном мире. Несмотря на развитие международного права, гуманитарных инициатив и усилий по миротворчеству, многие из этих конфликтов приобретают затяжной характер и склонны к периодической эскалации. Причины этого кроются в сложном переплетении исторических, культурных, политических и экономических факторов, усиливаемых внутренними и внешними вызовами.

Полиэтничность большинства современных государств, границы которых нередко были сформированы без учета этнических и культурных реалий, создает потенциальную почву для противостояний. В условиях глобализации и информационного насыщения этническая идентичность часто становится средством мобилизации, а не инструментом интеграции. Конфликты, подобные ситуациям в Нагорном Карабахе, Северной Осетии и Ингушетии, Курдистане, а также в зоне Сахеля, демонстрируют, как локальные этнические напряжения перерастают в масштабные политические кризисы, имеющие международные последствия.

Исследование политических аспектов современных этнотерриториальных конфликтов имеет огромную актуальность, так как в последние десятилетия наблюдается увеличение количества региональных конфликтов, связанных с вопросами территории, национального самоопределения и распределения ресурсов. Конфликты затрагивают разные регионы мира, включая Европу, Азию, Африку и Латинскую Америку.

Однако актуальность выпускной квалификационной работы определяется не только широким распространением этнотерриториальных конфликтов в различных регионах мира, но и новым контекстом, в котором они развиваются. Особенно заметным становится влияние цифровых технологий – от социальных сетей до киберпространства – на эскалацию, мобилизацию участников, информационное сопровождение и даже механизмы урегулирования конфликтов.

Теоретическая база исследования включает труды отечественных и зарубежных ученых, таких как В. А. Тишков [41; 42], Ю. В. Бромлей [19], Л. Н. Гумилёв [25], А. Д. Смит [69], Б. Андерсон [12], Э. Геллнер [24], М. Кастельс [55], а также работы по конфликтологии, этнополитологии и международным отношениям. Используются материалы ООН, ОБСЕ, доклады аналитических центров и данные статистики.

Цель работы заключается в исследовании политических аспектов современных этно-территориальных конфликтов на основе анализа их причин, динамики и путей урегулирования.

Для достижения поставленных целей предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть теоретические основы изучения этнотерриториальных конфликтов, включая ключевые концепции и подходы;
- выявить причины и политические факторы возникновения этнотерриториальных конфликтов;
- проанализировать этнотерриториальные конфликты на постсоветском пространстве на примере Нагорного Карабаха и осетино-ингушского конфликта;
- исследовать этнотерриториальные конфликты на Ближнем Востоке и Африке на примере курдского вопроса и конфликта в Сахеле;
- определить роль международных организаций, государств и цифровых технологий в урегулировании этнотерриториальных конфликтов.

Объектом исследования являются этнотерриториальные конфликты как социально-политическое явление.

Предметом исследования выступают политические аспекты современных этнотерриториальных конфликтов, их причины, динамика и механизмы урегулирования.

Методологической основой данной работы является эволюционно-институциональный подход, который позволяет проанализировать этнотерриториальные конфликты как динамические системы, формирующиеся под влиянием исторически сложившихся институциональных структур и

эволюционирующие в зависимости от изменяющихся политических, социальных и экономических условий. Работа была выполнена с помощью следующих методов: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительно-исторический и др.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в комплексном анализе политических аспектов этнотерриториальных конфликтов с учетом современных вызовов, таких как цифровизация, геополитическая конкуренция, а также в выявлении роли международного вмешательства и путей урегулирования.

Глава 1 Теоретические аспекты изучения этнотерриториальных конфликтов

1.1 Понятие и сущность этнотерриториальных конфликтов

Демографическая ситуация в мире постоянно меняется: на сегодняшний день численность населения Земли превысила 8 млрд чел., и, согласно прогнозам, к середине XXI в. она может достичь почти 10 млрд [75]. Особенно заметный рост наблюдается в странах Африки и Южной Азии. Эти процессы сопровождаются всё более выраженным этнокультурным многообразием. По разным данным, в мире насчитывается от 3 до 10 тыс. этнических сообществ, от наций и народностей до племён и родов. При этом подавляющее большинство современных государств – полиэтничны, что создаёт как богатую культурную палитру, так и определённые сложности в сфере национальной политики. Например, в Кот-д’Ивуаре насчитывается более 60 этнических групп, в Индонезии – свыше 350, в Нигерии – более 200, а в Кении – более 70 [30, с. 119].

Такое многообразие этнических групп на одной территории часто приводит к проблемам и конфликтам в межэтническом взаимодействии (некоторые из которых продолжаются десятилетиями, как, например, конфликты в Ольстере и Руанде) и именно поэтому данный вид конфликта является наиболее распространённым в современном мире.

Так, по данным рисунка 1, можно заметить, что после Второй мировой войны наиболее активно растущим типом вооружённых конфликтов стали гражданские войны. Послевойенный период известен ростом этнических и религиозных конфликтов, которые стали основными движущими силами гражданских войн.

Колониальные войны за обретение статуса и суверенитета к 1970-м гг. сошли на нет, а классический тип войн между государствами хоть и наблюдается, но значительно уступает в своём числе. На смену масштабным войнам за независимость пришли внутренние конфликты, особенно в многонациональных государствах.

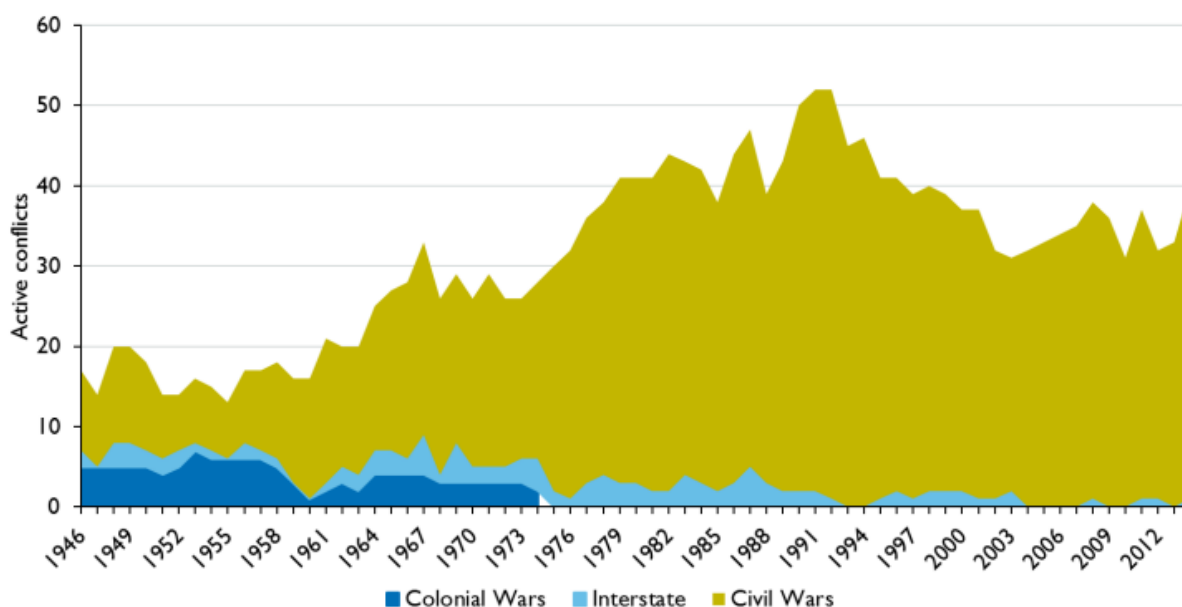

Рисунок 1 – Вооруженные конфликты по типу [60, с. 2]

Известны трагические события в Югославии, где после распада федерации началась кровопролитная межэтническая борьба между сербами, с одной стороны, и словенцами, хорватами, боснийцами и албанцами с другой. Похожая ситуация наблюдалась и в Руанде, где давнее противостояние между хуту и тутси переросло в геноцид. Эти конфликты, как правило, имели сложные корни – от исторических обид до борьбы за власть и ресурсы.

В эпоху Холодной войны мировые державы активно вмешивались в локальные конфликты, поддерживая разные стороны в зависимости от своих геополитических интересов, что лишь усугубляло внутренние противоречия в странах и делало конфликты более затяжными и разрушительными. В последние десятилетия стало заметно, что межэтнические противостояния не только не исчезли, но и приобрели новые формы. К примеру, с активным развитием цифровых технологий, появилась новая форма борьбы – «сетевые восстания». Так, испанский социолог, Мануэль Кастельс утверждает, что интернет стал ключевым пространством для политической борьбы, этнические и социальные конфликты переходят в «онлайн» [55, с. 19].

Из вышесказанного следует, что этнические конфликты представляют собой сложное социально-политическое явление, проявляющееся в различных формах.

Однако особое место среди них занимают этнотерриториальные противостояния. В таких случаях предметом конфликта становится не просто культурное различие, а конкретная территория, к которой обе стороны имеют претензии. Эти конфликты особенно болезненные, потому что земля воспринимается не только как ресурс, но и как часть идентичности.

Именно территориальный фактор придаёт этим конфликтам особую остроту и долговременность. Для многих этнических общностей территория – символ родины, их корней и безопасности [70, с. 12]. Именно поэтому споры вокруг земельных границ часто перерастают в затяжные конфликты, в том числе в форме сепаратизма или «замороженных» противостояний. Примеры таких ситуаций хорошо известны на постсоветском пространстве – это Нагорный Карабах, Приднестровье, Косово.

Для понимания сути этнотерриториального конфликта необходимо рассмотреть базовые категории, такие как «этнос», «конфликт», «территория» и «этнический конфликт».

Понятие «этнос» происходит от греческого слова *ethnos*, что переводится как народ, группа, племя.

Известный этнолог Ю. В. Бромлей определял этнос как исторически сформировавшуюся на конкретной территории совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык), психики и самосознания, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований [19].

Ключевыми факторами формирования этноса являются общий язык и территория проживания, однако значительную роль также играют религиозные воззрения, культурные традиции и система ценностей.

В своей работе «Этнос и эндогамия» Бромлей подчёркивал, что важным признаком этнической общности является коллективное самосознание, включающее представление о совместном происхождении. Внешним выражением этого самосознания служит этноним – самоназвание группы [19].

Иной подход к пониманию этноса предложил советский учёный Л. Н. Гумилёв. Он рассматривал этнос как динамическую систему, представляющую собой

сообщество индивидов, которое противопоставляет себя другим аналогичным группам. По его мнению, каждая такая общность обладает уникальной внутренней структурой и особым стереотипом поведения [25].

В современной науке этнос чаще всего анализируется как социальная группа, сформировавшаяся в процессе исторического развития общества.

Следующий термин, который мы рассмотрим, – «конфликт». Он имеет множество интерпретаций как в научной литературе, так и в публицистике. Обобщая различные точки зрения, можно заключить, что наиболее распространённым является понимание конфликта как формы социального противоречия.

А. В. Дмитриев определяет конфликт как процесс, в ходе которого два или более субъектов активно препятствуют друг другу в достижении целей, стремясь ограничить реализацию интересов оппонента или изменить его позиции [27].

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов в своём труде «Конфликтология» предлагают иную трактовку: по их мнению, конфликт представляет собой наиболее острую форму разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия. Такой процесс неизбежно сопровождается противодействием сторон и, как правило, негативными эмоциями [13].

Анализ категорий «этнос» и «конфликт» позволяет перейти к исследованию их взаимосвязи в рамках более узкого, но социально значимого явления – этнического конфликта.

Этноконфликтология представляет собой относительно новое направление в системе конфликтологических исследований. Её формирование началось значительно позже изучения таких видов социальных противостояний, как трудовые споры, классовая борьба, межличностные и межгосударственные столкновения. Выделение этнических конфликтов в особую категорию научного анализа стало возможным благодаря работам Георга Зиммеля, который ввёл в научный оборот понятие «социальный конфликт». Это концептуальное новшество заложило методологическую основу для развития целого комплекса дисциплин, изучающих различные аспекты социальных противоречий.

Как отмечает А. Г. Здравомыслов, этнический конфликт всегда имеет двойную природу. Он одновременно является и социальным конфликтом (по структуре и механизмам эскалации), и этническим процессом (по содержанию противоречий и идентификационным маркерам) [29]. Эта двойственность во многом объясняет, почему этнические конфликты обладают такой устойчивостью и глубиной. Их истоки уходят в самую природу человеческой социальности, что особенно демонстрирует исторический анализ.

Так, профессор Лондонской школы экономики, президент Ассоциации по исследованию этничности и национализма Э. Д. Смит в своей работе «Этнические истоки наций» делает ряд важных выводов. Во-первых, он отмечает, что этническая идентичность представляет собой древнейшую форму социальной организации, возникшую задолго до появления сословных и классовых структур. Соответственно, конфликты на этнической почве сопровождают всю историю человеческой цивилизации. Во-вторых, учёный подчёркивает, что этническая принадлежность не является предметом сознательного выбора индивида. В-третьих, поскольку этнические общности не всегда имеют чёткую территориальную организацию, особую остроту приобретают те конфликты, которые связаны с территориальными вопросами – контролем над землёй, доступом к природным ресурсам или проблемами государственного устройства [69].

На основании этих положений можно определить этнический конфликт как особую форму социального противостояния (экономического или политического характера), возникающего при нарушении базовых условий существования этнической общности. Подобные конфликты приводят к ухудшению социального статуса этноса и создают зону повышенной напряжённости в межгрупповых отношениях.

Рассмотрев сущность этнических конфликтов, как уже было отмечено выше, можно сказать, что их наиболее острой и распространённой формой являются этно-территориальные конфликты. Если в широком смысле этнический конфликт может развиваться вокруг вопросов идентичности, культурной автономии или политического представительства, то этно-территориальный конфликт отличается

принципиальной связью с пространством и контролем над территорией. Как отмечает российский этнолог Валерий Тишков, именно территориальный фактор придает таким конфликтам особую остроту, поскольку земля часто воспринимается не просто как ресурс, а как символ исторической принадлежности и коллективной памяти (например, карабахское или палестино-израильское противостояния) [41].

Этнотерриториальный конфликт (ЭТК) представляет собой сложное социально-политическое явление, которое в научной литературе трактуется с различных методологических позиций. Так, Э. Смит определяет ЭТК как «противостояние, в котором группы, обладающие разными этническими идентичностями, оспаривают право на контроль над территорией, считающейся частью их исторического наследия». Ученый подчеркивает, что такие конфликты возникают, когда «символическое значение земли для одной группы вступает в противоречие с притязаниями другой».

В. А. Тишков, в монографии «Общество в вооруженном конфликте» предлагает определение: «ЭТК – это форма социального конфликта, при которой стороны апеллируют к этнической принадлежности для обоснования территориальных претензий, часто с требованием создания автономии или независимого государства». Он также подчеркивает, что такие конфликты «редко бывают чисто этническими – они всегда связаны с борьбой за власть, ресурсы или международное признание» [41].

Зарубежные теоретики (Дж. Комарофф, Э. Геллнер) утверждают, что этно-территориальные конфликты возникают в условиях конкурирующих притязаний на одну и ту же землю, причем каждая из сторон апеллирует к историческим, демографическим или правовым аргументам. В этом контексте особенно важна концепция «воображаемой географии», автором которой является Б. Андерсон [12]. Она объясняет, почему даже символические границы могут становиться линиями фронта. Данная специфика требует отдельного анализа причин возникновения, динамики и возможных моделей урегулирования этно-территориальных конфликтов, что и составит основу дальнейшего исследования.

Исходя из анализа приведенных выше исследований, этнотерриториальный конфликт можно определить как: спор, ведущийся от имени этнических общностей,

относительно их прав проживать на той или иной территории, владеть или управлять ею. При этом спор ведется не только за фактическое владение территорией, но и за ее смысловое наполнение – группы апеллируют к исторической памяти, культурным традициям, экономической целесообразности или политическим правам.

Таким образом, этнотерриториальные конфликты представляют собой одну из наиболее острых и устойчивых форм социального противостояния в современном мире. Как показано на примере послевоенной динамики вооруженных конфликтов, на смену классическим межгосударственным и колониальным войнам пришли гражданские войны, движущей силой которых зачастую выступают этнические и религиозные противоречия. Особую роль в их эскалации играет территориальный фактор – контроль над землей воспринимается конфликтующими сторонами не только как вопрос ресурсов, но и как символ исторической памяти, коллективной идентичности и национального суверенитета. Формируясь под влиянием комплекса исторических, культурных, экономических и политических факторов, ЭТК становятся особенно сложными для урегулирования.

1.2 Причины и политические факторы возникновения этно-территориальных конфликтов

При исследовании этнотерриториальных конфликтов возникает сложность установления конкретных первопричин. Проблема, главным образом, кроется в том, что выделить их, следуя лишь одной теории не представляется возможным. Каждый конфликт уникален, сочетая исторические, политические, социальные и территориальные противоречия, которые часто становятся главным катализатором напряженности. Например, споры о границах, исторических правах на землю или контроле над ресурсами могут годами накапливаться, переплетаясь с вопросами идентичности и коллективной памяти этносов. При этом причины конфликта динамичны: территориальные претензии могут трансформироваться под влиянием экономических интересов или политических манипуляций в ходе эскалации [72, с. 120].

В академической среде существует множество точек зрения на природу этно-территориальных конфликтов. Причины конфликтов интерпретируются по-разному в зависимости от научной школы. Все основные подходы и их ключевые идеи представлены в приложении А, таблице А.1.

Одним из наиболее ранних подходов считается примордиализм. Согласно этой точке зрения, этническая принадлежность – это врождённая характеристика [24, с. 45–67], формирующаяся на основе общего языка, религии, крови или территории. ЭТК, таким образом, возникают из-за столкновения этих неизменных идентичностей, особенно если группы претендуют на одну и ту же землю, которую считают своей «исторической родиной».

Примордиалистическим представлениям противостоит конструктивизм, развитый Бенедиктом Андерсоном и Эриком Хобсбаумом. В этом подходе ключевой идеей является то, что нации и этнические группы воспринимаются как «воображаемые сообщества», создаваемые через образование, СМИ, символику (флаги, гимны) и т. д. [12]. ЭТК, с позиции конструктивизма, возникают не из-за объективных различий, а из-за того, что определённые акторы (государства, лидеры, интеллектуалы) подчёркивают эти различия, чтобы провести границы между «своими» и «чужими».

Ярким примером данного процесса может послужить национальная политика Советского Союза, которая при внешней поддержке этнокультурного многообразия фактически институционализировала жесткие межгрупповые границы. Через систему паспортизации, территориального размежевания и квотирования представительства различных народов в органах власти советская модель национально-государственного устройства создавала институциональные предпосылки для последующей эскалации межэтнических противоречий в постсоветский период [38, с. 231–289].

Так же, в противовес примордиализму выступает и инструменталистский подход, который рассматривает этничность не как данность, а как инструмент, используемый элитами для достижения политических и экономических целей. Сторонники этой теории (например, Валерий Тишков) утверждают, что этнические

конфликты возникают не из-за древних противоречий, а из-за конкуренции за власть, ресурсы или привилегии. Так, при распаде Югославии лидеры вроде Слободана Милошевича и Франьо Туджмана сознательно использовали националистическую риторику, чтобы укрепить свою власть, мобилизовать электорат и перераспределить ресурсы в пользу «своих» групп [59]. Аналогичные процессы наблюдались в Руанде, где элиты разжигали ненависть между хуту и тутси для сохранения контроля.

Следующий подход, который мы рассмотрим в данной работе – структурный. Структурные теории (Т. Р. Гурр, Д. Хоровиц) связывают ЭТК с неравенством в распределении ресурсов, власти и статуса между группами. Ключевые понятия здесь – «горизонтальное неравенство» (между этническими группами) и «относительная депривация» (ощущение несправедливости при сравнении с другими). Структурные факторы, безусловно, создают почву для конфликтов, однако их эскалация нередко становится возможной благодаря вмешательству «извне». На этом акцентирует внимание геополитический подход. В отличие от предыдущего, в данном подходе главным фактором возникновения ЭТК считается вмешательство соседних государств, международных организаций или великих держав, которые используют этнические противоречия в своих интересах.

Обобщая изложенное, можно сказать, что несмотря на разнообразие теоретических подходов к природе ЭТК, их можно условно разделить на два лагеря: те, кто выделяют объективные факторы (история, неравенство), и те, кто делают ставку на субъективные (конструирование идентичности, манипуляции элит).

Следует подчеркнуть, что большинство конфликтологов считают, что этничность нельзя отнести ни к причине этнического конфликта, ни к сфере его проявления. Само существование этнических разногласий между группами не является причиной конфликта.

Так, известный американский профессор социологии Роджерс Брубейкер в своем труде «Этничность без групп» пишет: «Этничность не является предельным, далее не сводимым «источником» конфликта... Скорее, конфликты, движимые битвами за власть (и ресурсы), между протестующими и власть предержащими, по-новому этнизируются, по-новому фреймируются в этнических терминах [20].

Если этничность не является первопричиной конфликтов, то вопрос заключается в том, какие силы придают ей конфликтогенный характер. Как отмечает Брубейкер, ключевую роль здесь играет политизация идентичности: элиты, заинтересованные в перераспределении власти или ресурсов, конструируют этнические границы, превращая их в линии противостояния. Поэтому далее необходимо рассмотреть политические аспекты возникновения ЭТК. Они включают в себя:

– во-первых, политику национализма. Например, в Югославии политика Слободана Милошевича строилась на сербском национализме, что привело к маргинализации хорватов, боснийцев и албанцев [33]. Аналогичные процессы наблюдаются в Индии, где правящая партия BJP продвигает идеи «индуистского национализма», обостряя противоречия с мусульманским меньшинством [63, с. 394]. Государственный национализм может выражаться и в законодательной дискриминации – например, языковые законы в Латвии «О государственном языке» от 1999 г. и Эстонии «О языке» от 1995 г., ограничивающие права русскоязычного населения;

– во-вторых, институциональные факторы. Несовершенство политических институтов зачастую способствует эскалации ЭТК. Асимметричный федерализм, при котором одни регионы получают больше автономии, чем другие, провоцирует требования сепаратизма (как в Чечне в 1990-х). Более того, при анализе роли государственного устройства возникает парадокс: жестко централизованные системы, игнорирующие региональную специфику, создают почву для напряженности, при этом и федеративные модели, как демонстрирует Зубер [79], также порождают вызовы – асимметричное распределение полномочий между федеральным центром и субъектами нередко провоцирует рост сепаратизма и требования большей автономии;

– в-третьих, конкуренция за власть и ресурсы. Как уже было упомянуто выше, элиты часто используют этничность как инструмент в борьбе за ресурсы. Так, в Киргизии в 2010 г. столкновения киргизов и узбеков были спровоцированы экономическим неравенством и коррупцией [42, с. 90];

– в-четвертых, государственное насилие и репрессии. Политика ассимиляции или открытых репрессий против меньшинств является ключевым триггером ЭТК. Ярким примером является депортация в СССР чеченцев, крымских татар и других народов в 1940-х гг. для укрепления контроля над Кавказом и Крымом, что создало долгосрочные очаги напряженности [21, с. 19];

– в-пятых, информационная политика и пропаганда. Данный аспект проявляется в разжигании межэтнической ненависти с помощью СМИ и соцсетей. В 1990-х сербские медиа демонизировали боснийцев и хорватов, а в Азербайджане государственная пропаганда формирует негативный образ армян [48].

Этнотерриториальные конфликты представляют собой одну из наиболее сложных проблем современной международной политики. Их природа многогранна и включает исторические, культурные, экономические и политические факторы.

Ключевые политические аспекты таких конфликтов показаны в приложении Б, таблице Б.1.

Эти аспекты подчеркивают сложность и многоуровневость этнотерриториальных конфликтов, которые требуют комплексного подхода к решению. Важно учитывать не только военные методы урегулирования, но и механизмы переговоров, медиации и укрепления доверия между сторонами.

Этнотерриториальные противостояния практически никогда не возникают спонтанно – их «инкубационный период» или латентная фаза формируется под воздействием нескольких факторов. Как показывает исследование *EPR-Index Project* [69], ключевую роль здесь играют три взаимосвязанных элемента: устойчивые формы социального неравенства, систематическое ущемление прав этнических сообществ и дефицит институционализированных переговорных площадок.

Эти факторы, характерные для латентной фазы, служат «топливом» для последующей эскалации. В модели этапов конфликтов Дж. Бертона (рисунок 2) такой сценарий отражает классический переход от скрытого недовольства к открытой конфронтации: когда институты не способны урегулировать протест, группы переходят к самоорганизации, а конфликт входит в фазу актуализации.

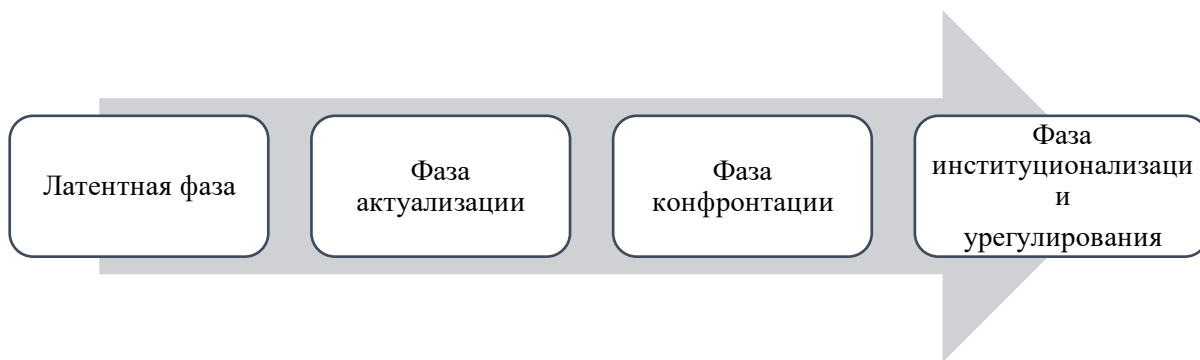

Рисунок 2 – Фазы развития этнотерриториальных конфликтов [26, с. 112]

Само возникновение ЭТК, согласно А. Я. Анцупову, всегда сопровождается синтезом трех ключевых факторов, представленных на рисунке 3.

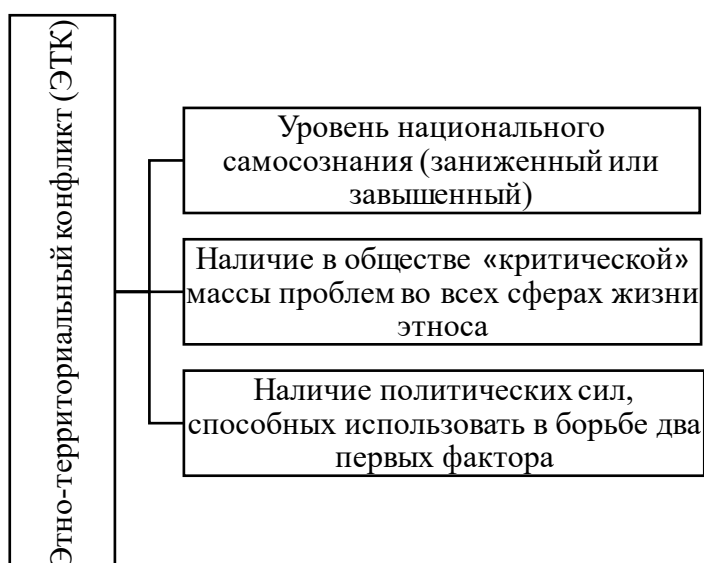

Рисунок 3 – Ключевые факторы возникновения ЭТК [составлено автором по: 13, с. 156]

Первый связан с уровнем национального самосознания, который может быть адекватным, заниженным или завышенным. Два последних уровня и способствуют появлению этноцентристских устремлений.

Второй – наличие в обществе большого количества проблем, что оказывает влияние на ключевые аспекты жизни этноса. И, наконец, наличие политических сил, которые в борьбе за власть готовы использовать вышеперечисленные факторы.

Сам рост межэтнической напряженности можно прогнозировать по универсальным признакам конфликтов, которые изложила С. Д. Гуриева в своем исследовании [39]:

1 Требование определенной этнической группы большей автономии, чем она владеет в настоящий момент.

2 Если меньшинство когда-то в прошлом уже имело свою государственность, существует риск того, что могут начаться военные действия.

3 Высокая организованность выступающих активистов за самоопределение увеличивает риск начала вооруженной борьбы.

4 Этнические группы с высокой рождаемостью более склонны к борьбе за самоопределение.

5 Если этническая и религиозная группа не испытывала притеснений со стороны правительства есть шанс, что она начнет вооруженную борьбу.

6 Существует большая вероятность начала военных действий, если ранее представители той или иной этнической группы вели борьбу за независимость [26].

Таким образом, проведенный анализ природы этно-территориальных конфликтов позволяет сделать ряд принципиально важных выводов.

Во-первых, это отсутствие универсальной теории. Каждый отдельный этно-территориальный конфликт представляет уникальную совокупность исторических, социально-экономических и политико-правовых предпосылок. Существующие научные школы (примордиализм, конструктивизм, инструментализм, структурный и геополитический подходы) предлагают свои объяснения причин ЭТК. При этом ни один из подходов не является исчерпывающим: если примордиализм акцентирует «врождённую» природу этничности, то конструктивизм и инструментализм раскрывают её политическую инструментализацию.

Во-вторых, отдельного внимания заслуживают политические аспекты в генезисе ЭТК. Как справедливо отмечает Р. Брубейкер, сама по себе этническая идентичность не порождает конфликтных ситуаций – она приобретает конфликтогенность лишь в процессе целенаправленной политизации [20]. Ключевыми субъектами политизации этничности выступают:

- политические элиты, использующие этничность в своих интересах;
- средства массовой информации, формирующие дискурс противостояния;
- государственные институты, закрепляющие межгрупповые границы.

Изучение этнотерриториальных конфликтов требует учета всего многообразия факторов – от глубинных исторических предпосылок до современных социально-экономических и политических условий.

Глава 2 Политическая динамика этнотерриториальных конфликтов в современных регионах

2.1 Конфликты на постсоветском пространстве: Нагорный Карабах и осетино-ингушский конфликт

Распад СССР в 1991 г. не только изменил геополитическую карту мира, но и высвободил множество этнотерриториальных противоречий, которые долгое время сдерживались советской системой. На карте мира образовалось 15 независимых государств. Хотя процесс их формирования основывался на принципе этнического самоопределения, проводимая новыми властями национальная политика не только не смягчила существующие межнациональные трения, но и во многих случаях спровоцировала их эскалацию до вооружённых столкновений [45, с. 49].

Примечательно, что большинство межэтнических противостояний, переросших в полномасштабные военные действия, были сосредоточены на Кавказе. К ним относятся противостояние между Арменией и Азербайджаном, вооружённые конфликты Грузии с Южной Осетией и Абхазией, а также столкновения между осетинами и ингушами и две российско-чеченские войны [37].

Одной из ключевых причин данных конфликтов стала советская национальная политика, при которой административные границы между республиками изменялись произвольно по решению партийного руководства без учёта реального расселения этнических групп [37].

Среди этих конфликтов наиболее продолжительным и сложным оказался Нагорно-Карабахский. Хронология событий данного конфликта представлена в Приложении В, таблица В.1.

Большинство ученых сосредотачивается на событиях начала XX в. как ключевой точке отсчета, поскольку именно в этот период начинается формирование современных форм этнического самосознания и национальных движений в Закавказье. Рассматривая предпосылки возникновения данного противостояния, важно отметить:

– во-первых, действия Российской имперской администрации. Как уже было упомянуто выше, стремясь интегрировать новые территории, они проводили политику этнического представительства на местном уровне, что невольно способствовало усилению национального самосознания и росту этно-национализма. Этот процесс особенно ярко проявился в условиях бурного развития капиталистических отношений в Закавказье, связанного прежде всего с нефтедобычей в Бакинском регионе [14, с. 178].

– во-вторых, экономический фактор. Он сыграл особую роль в эскалации конфликта. Конкуренция между армянскими и азербайджанскими купеческими кланами в нефтяной отрасли, а также этнизация социальных отношений между владельцами предприятий и рабочими создали питательную среду для межнациональной напряженности [15, с. 393]. Эти процессы привели к тому, что к моменту погромов 1905–1906 гг. основные линии противостояния четко обозначились между армянскими националистами, царской администрацией, купеческими объединениями и различными группами рабочих.

В открытую фазу конфликт перешел после событий 1921 г., когда Кавбюро РКП(б) передало Нагорный Карабах (армянонаселенный регион) в состав Азербайджанской ССР, создав Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО) в 1923 г. Это решение заложило основу для будущих споров. В советский период армянское население Карабаха неоднократно выражало недовольство политикой Баку, обвиняя власти в дискриминации и ограничении культурных прав. Эти настроения усилились в эпоху перестройки, когда в СССР начался подъём национальных движений.

Можно обозначить следующую, достаточно условную периодизацию войны в Нагорном Карабахе:

1 Этнополитический конфликт НКАО с Аз ССР 1989–1991 гг.

2 Вооруженный конфликт НКАО при поддержке Армении с Азербайджаном 1992–1994 гг.

3 Внешнеполитический кризис в отношениях между Арменией и Азербайджаном с 1994 г. по 2020 г.

4 Эскалация военного противостояния осенью 2020 г. и сохраняющаяся межгосударственная напряженность [15, с. 398].

Военные действия 1991–1994 гг. имели серьезные последствия для региона. Согласно независимым оценкам, человеческие потери составили около 6 000 чел. среди армянского населения и 10 000 – среди азербайджанского. Помимо этого, произошли кардинальные изменения этнической карты: наблюдался массовый исход армян из Азербайджана и, одновременно, миграция азербайджанцев из зоны конфликта [56, с. 238].

Переломным моментом стало подписание 05.05.1994 Бишкекского протокола, подготовленного при посредничестве стран СНГ [3]. Этот документ продемонстрировал готовность сторон прекратить открытое вооружённое противостояние. Дальнейшее Соглашение о бессрочном прекращении огня от 12.06.1994 [2], инициированное российским дипломатом В. Н. Казимировым, формально перевело конфликт в «замороженную» фазу. Данный документ остановил активные боевые действия, но не разрешил глубинных противоречий, лишь законсервировал их [56, с. 252].

Последующие три десятилетия конфликт оставался «замороженным», пока в 2020 г. Азербайджан не начал масштабное наступление, завершившееся его военной победой. Было достигнуто новое трехстороннее соглашение от 09.11.2020 между Россией, Арменией и Азербайджаном [4], предусматривавшее ввод российского миротворческого контингента численностью около 1960 военнослужащих. Их мандат включал контроль за соблюдением режима прекращения огня, защиту Лачинского коридора и содействие возвращению беженцев. Первоначально миротворцы размещались на 5 лет с возможностью продления, однако усиление позиций Азербайджана после новой эскалации в сентябре 2023 г. привело к досрочному выводу российских сил к апрелю 2024 г., что ознаменовало окончательный переход региона под контроль Баку.

Превосходство Азербайджана, основанное на доходах от экспорта нефти и газа, стало одним из определяющих факторов его военной победы. В 2006 г. благодаря высокому спросу на энергоресурсы страна продемонстрировала один из самых

высоких темпов роста ВВП в мире, что позволило резко увеличить финансирование оборонного сектора. Подобный всплеск повторился в 2022 г.: на фоне энергетического кризиса в Европе, вызванного войной в Украине, Азербайджан заключил стратегические соглашения с ЕС как альтернативный поставщик газа, обеспечив приток валютных резервов и стабильное финансирование армии. Динамика макроэкономических показателей Азербайджана, включая рост ВВП, уровень военных расходов и экспортные цены на газ, представлена на рисунке 4.

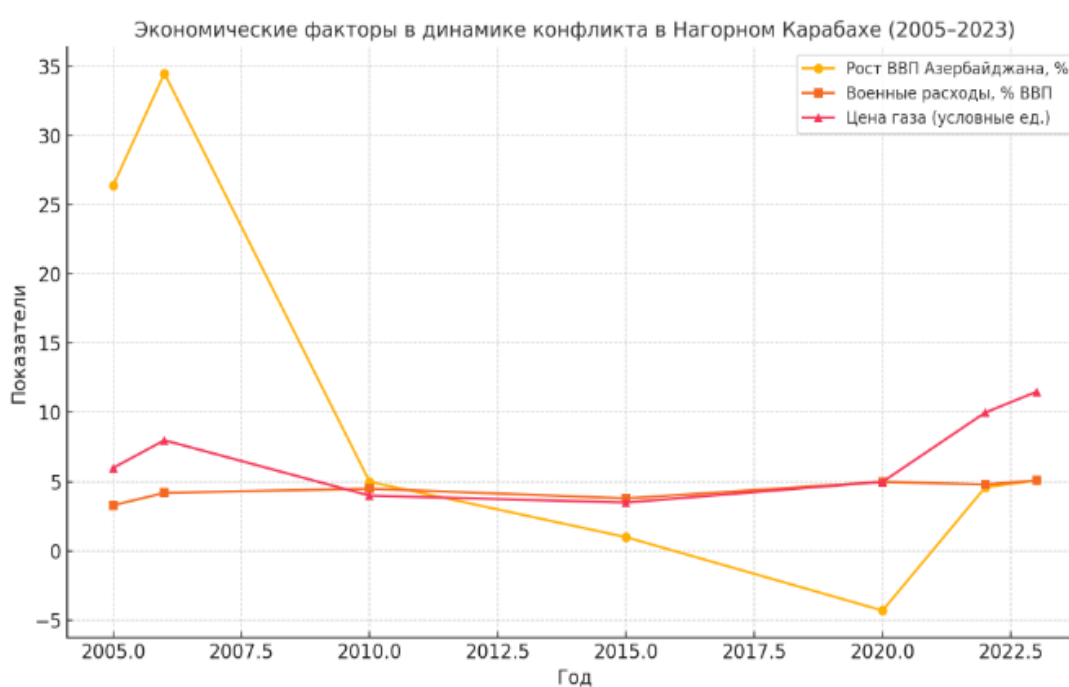

Рисунок 4 – Экономические факторы в динамике конфликта в Нагорном Карабахе (2005–2023 гг.) [составлено автором по: 58; 71; 79]

Даже несмотря на падение ВВП на 4,3 % в 2020 г., военные расходы Азербайджана достигли около 5 % от ВВП, что подчеркивает приоритет военного бюджета и целенаправленную подготовку к операции в Нагорном Карабахе. Таким образом, энергетические ресурсы стали не просто экономическим активом, но и геополитическим инструментом, обеспечившим стране стратегическое преимущество в фазе 2020–2023 гг.

Для Азербайджана кампания по возвращению контроля над Нагорным Карабахом выступила как средство укрепления политической легитимности и расширения регионального влияния. Победа во «Второй карабахской войне» была широко использована Ильхамом Алиевым для консолидации внутривластной поддержки и укрепления образа «национального лидера-победителя».

Вместе с этим, конфликт стал ареной перераспределения сфер влияния: в условиях ослабления позиций России, вызванного войной в Украине, Азербайджан предпринял шаги по постепенному вытеснению российских миротворцев и уменьшению зависимости от Москвы [56, с. 364]. Вывод российских сил в 2024 г. стал символом завершения эпохи российской посреднической доминанты в конфликте.

Важно отметить, что Нагорно-Карабахский конфликт с момента своего возникновения привлекал внимание различных международных игроков, чьи интересы и подходы к урегулированию существенно различались. Как свидетельствует резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 62/243 от 2008 г. [1], мировое сообщество в целом придерживалось позиции признания территориальной целостности Азербайджана. Однако отсутствие единства среди стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ (Россия, США и Франция проголосовали против резолюции) продемонстрировало сложность выработки консолидированного подхода к решению проблемы. В последние годы геополитическая конфигурация конфликта серьезно изменилась: усиление военного альянса Азербайджана и Турции, снижение влияния России и маргинализация армянской позиции окончательно сместили баланс сил в пользу Баку.

Международно-правовая база конфликта также остаётся противоречивой. С одной стороны, резолюции СБ ООН (822, 853, 874, 884 от 1993 г.) подтверждали территориальную целостность Азербайджана, требуя вывода армянских сил с прилегающих территорий. С другой, право народов на самоопределение, закреплённое в Уставе ООН, использовалось армянской стороной для обоснования независимости НКР.

Это противоречие так и не было разрешено, что обусловило «заморозку» конфликта на долгие годы. Попытки совместить оба принципа («мягкое

самоопределение» в рамках азербайджанской юрисдикции) не нашли поддержки ни у одной из сторон.

Таким образом, Нагорно-Карабахский конфликт является классическим противоречием между двумя основополагающими принципами международного права: территориальной целостностью государства и правом нации на самоопределение. Его история показала, что подобные противоречия невозможно разрешить ни чисто военным путём, ни временными дипломатическими договорённостями. Даже после военного поражения Армении и формального перехода Карабаха под контроль Азербайджана ключевые вопросы – статус армянского населения, гарантии его безопасности и механизмы урегулирования – остаются открытыми, создавая риски новых кризисов в будущем.

Другим примером затяжного этно-территориального противостояния на постсоветском пространстве является Осетино-ингушский кризис.

Осетино-ингушский конфликт представляет собой сложный этно-территориальный спор, корни которого уходят в историю взаимоотношений двух народов. Данный конфликт является одним из наиболее острых межэтнических противостояний на Северном Кавказе и несмотря на попытки урегулирования, проблема остается актуальной, периодически приводя к напряженности в регионе.

Основной предмет разногласий – территория Пригородного района, который после депортации ингушей и их последующего возвращения стал зоной острого противостояния.

В 1944 г. ингуши, наряду с чеченцами, были депортированы в Среднюю Азию по обвинению в коллаборационизме. Их земли, включая Пригородный район, были переданы Северо-Осетинской АССР. После реабилитации в 1957 г. ингуши получили право вернуться, однако Пригородный район остался в составе Северной Осетии. В первые годы после отмены ограничений для спецпереселенцев обстановка в регионе оставалась напряжённой. Фиксировались инциденты межэтнических столкновений в бытовой сфере, а также имела место передача осетинами ингушам своих домов в обмен на денежное вознаграждение [11]. Местные органы власти Северной Осетии, стремясь ограничить процесс возвращения ингушского населения, ввели

официальный запрет на совершение сделок купли-продажи недвижимости с представителями ингушской национальности [15, с. 455].

В период распада СССР ингуши активизировали требования о возврате Пригородного района. В 1991 г. Верховный Совет России принял закон «О реабилитации репрессированных народов» [5], что усилило надежды ингушей на восстановление справедливости. Однако осетинская сторона категорически отвергала территориальные изменения, опасаясь потери стратегически важных земель.

Осетино-ингушское противостояние достигло своей кульминации в октябрь-ноябре 1992 г. и переросло в полномасштабное вооруженное столкновение. По данным комиссии Верховного Совета РФ [7, с. 14], ситуация развивалась следующим образом. В Пригородный район 24.10.1992 были введены федеральные войска под предлогом предотвращения межнациональной резни. Однако, их действия фактически носили проосетинский характер, что привело к дисбалансу сил [11, с. 57].

В течение последующих двух недель произошли массовые этнические чистки, в результате которых, по официальным данным МВД России, около 60 тыс. ингушей были вынуждены бежать из мест постоянного проживания. Примечательно, что согласно другим данным, реальные цифры могут быть значительно выше – до 100 тыс. вынужденных переселенцев.

Что касается человеческих потерь, то здесь ситуация остается неоднозначной. Официальные источники говорят о 583 погибших, однако, как отмечает В. Тишков в своей работе «Общество в вооруженном конфликте», независимые эксперты оценивают количество жертв в 1000–1500 чел., учитывая незарегистрированные случаи насилия [41].

Важно отметить, что, несмотря на формальное прекращение боевых действий в ноябре 1992 г., конфликт так и не получил политического разрешения. Как справедливо указывают различные ученые он перешел в «замороженную» стадию, периодически проявляясь в форме локальных инцидентов.

На законодательном уровне предпринимались неоднократные попытки урегулировать осетино-ингушский конфликт. Например, Указ Президента РФ

№ 2137 от 1992 г., который декларировал меры по стабилизации обстановки в зоне конфликта. Теоретически, данный документ должен был обеспечить возвращение вынужденных переселенцев. Но на деле, как свидетельствуют данные правозащитных организаций, большинство ингушских беженцев так и не смогли вернуться в свои дома. При этом, даже спустя десятилетия сохраняются неформальные ограничения на прописку и приобретение имущества ингушами в спорных районах.

Особого внимания заслуживает Постановление Правительства РФ № 510 от 2005 г. о мерах по обустройству вынужденных переселенцев [6]. Хотя этот документ предусматривал конкретные механизмы компенсации, фактически к 2020 г. лишь около 11 тыс. из 60 тыс. беженцев получили обещанную помощь.

Что касается межреспубликанских соглашений, то здесь ситуация выглядит ещё более противоречиво. К примеру, соглашение 2002 г. между Ингушетией и Северной Осетией о возвращении части беженцев [8] было фактически сорвано североосетинской стороной. Примечательно, что аналогичная ситуация повторилась и в 2018 г., когда принятые под давлением поправки к Конституции Ингушетии, запрещающие отчуждение земель без референдума, не привели к реальному решению вопроса о Пригородном районе.

Несмотря на отсутствие открытых столкновений, напряженность сохраняется. Основные спорные моменты включают в себя, во-первых, территориальный вопрос: ингушская сторона продолжает настаивать на возвращении Пригородного района, который до депортации ингушей в 1944 г. входил в состав Чечено-Ингушской АССР. Осетинская сторона отвергает эти претензии, ссылаясь на административные границы, закреплённые в постсоветский период [34]. Во-вторых, это проблема беженцев – часть ингушей смогла вернуться, но до сих пор около 30 тыс. ингушей не могут вернуться на свои исторические земли. Власти Северной Осетии, ограничивают процесс реституции, опасаясь новых межэтнических столкновений [42]. По данным переписи 2020 г., на приведенном рисунке 5 можно заметить, что этнический состав Пригородного района остается неравномерным: осетины

составляют ~71 % населения, ингуши – около 21 %, русские – 8 %. Это подтверждает сохранение демографического дисбаланса, сложившегося после 1992 г.

Рисунок 5 – Этнический состав Пригородного района в 2020 г. по итогам переписи населения [43]

Перспективы урегулирования остаются туманными. В ингушском обществе сильны реваншистские настроения, в то время как в Северной Осетии доминирует позиция сохранения статус-кво. Конфликт остается «тлеющим», а его активизация возможна в случае общего роста нестабильности на Северном Кавказе.

Подводя итоги исследованию конфликтов на постсоветском пространстве, прежде всего, следует отметить, что оба рассмотренных конфликта сформировались под влиянием советского административного наследия.

Так, Нагорный Карабах, населенный преимущественно армянами, был передан Азербайджанской ССР в 1920-х гг., что впоследствии стало причиной длительного территориального спора. Аналогичным образом, осетино-ингушский конфликт во многом обусловлен сталинской депортацией ингушей в 1944 г. и последующим включением части Пригородного района в состав Северной Осетии. Также нельзя не учитывать слабость центральной власти в 1990-е гг. и распад СССР, создавшее условия для эскалации насилия в обоих случаях.

Оба конфликта, несмотря на периоды заморозки, до сих пор не имеют окончательного урегулирования. В случае Нагорного Карабаха новая война 2020 г. и последующие события (ввод российских миротворцев, затем их уход в 2023–2024 гг.) показали хрупкость перемирий. Осетино-ингушское противостояние, хотя и менее заметное на международной арене, продолжает влиять на стабильность Северного Кавказа.

Между рассматриваемыми конфликтами существуют и существенные различия. Эти конфликты представляют разные модели этнополитического противостояния. Нагорный Карабах – пример межгосударственного конфликта (Армения, Азербайджан) с сильным влиянием внешних игроков. Нагорный Карабах находился в фокусе таких организаций, как ООН и ОБСЕ, а также привлекал интерес региональных игроков – Турции, России и стран Запада. Осетино-ингушский конфликт — внутригосударственный, но с элементами сепаратизма и федерального вмешательства. Он оставался преимущественно внутренним делом России, что обусловило его меньшую медийную и дипломатическую освещенность.

Интенсивность боевых действий также была неодинаковой. Нагорно-Карабахский конфликт включал в себя несколько масштабных войн (1992–1994 гг., 2020 г., 2023 г.), а противостояние вокруг Пригородного района ограничилось кратковременными, хотя и кровопролитными, столкновениями.

Таким образом, Осетино-ингушский и Нагорно-Карабахский конфликты являются яркими примерами того, как советское наследие, этнический национализм и геополитические интересы формируют долгосрочные очаги нестабильности.

2.2 Этнотерриториальные конфликты на Ближнем Востоке и в Африке: курдский вопрос и противостояние в Сахеле

Ближний Восток и Африка являются регионами с высокой концентрацией этно-территориальных конфликтов, многие из которых не утихают уже много лет. Эти конфликты оказывают значительное влияние на политическую стабильность,

экономическое развитие и безопасность не только государств данных регионов, но и всего мира в целом.

Корни большинства конфликтов в этих регионах уходят в колониальную эпоху. Границы многих современных государств были проведены европейскими державами: Великобританией, Францией, Италией, без учета этнического и конфессионального размежевания. Это привело к тому, что в одной стране оказывались враждебные друг другу группы, как в Руанде, а единые народы — искусственно разделялись. Ярким примером этому служат сомалийцы — единый народ, но из-за проведения границ колониальных империй они стали меньшинством в Кении, Эфиопии и Джибути. Это породило движение за «Великое Сомали», войны 1964 и 1977 гг. и вечный источник напряженности в регионе. Аналогичным образом, на Ближнем Востоке Соглашение Сайкса-Пико 1916 г. заложило основу для конфликтов между курдами, арабами, турками и персами.

В этом контексте курдский вопрос остается одним из наиболее сложных и затяжных этнополитических конфликтов региона. В настоящее время курды один из самых крупных этносов мира (до 40 млн), лишенный права на самоопределение и государственный суверенитет. На представленном ниже рисунке 6 можно заметить, что основная часть курдского населения сосредоточена в регионе, традиционно известном как Курдистан, расположенном в юго-западной части Азии [10]. Этот ареал охватывает прилегающие территории юго-восточных, северо-западных и северных районов.

Кроме того, многочисленные курдские общины существуют за пределами исторической родины — преимущественно в государствах Ближнего Востока, Западной Европы и постсоветского пространства [28, с. 54].

Как известно, исторические корни проблемы восходят к периоду после Первой мировой войны, когда Севрский договор 1920 г. предусматривал создание независимого Курдистана, однако последующий Лозаннский договор 1923 г. закрепил раздел курдских земель между Турцией, Ираком, Сирией и Ираном [67].

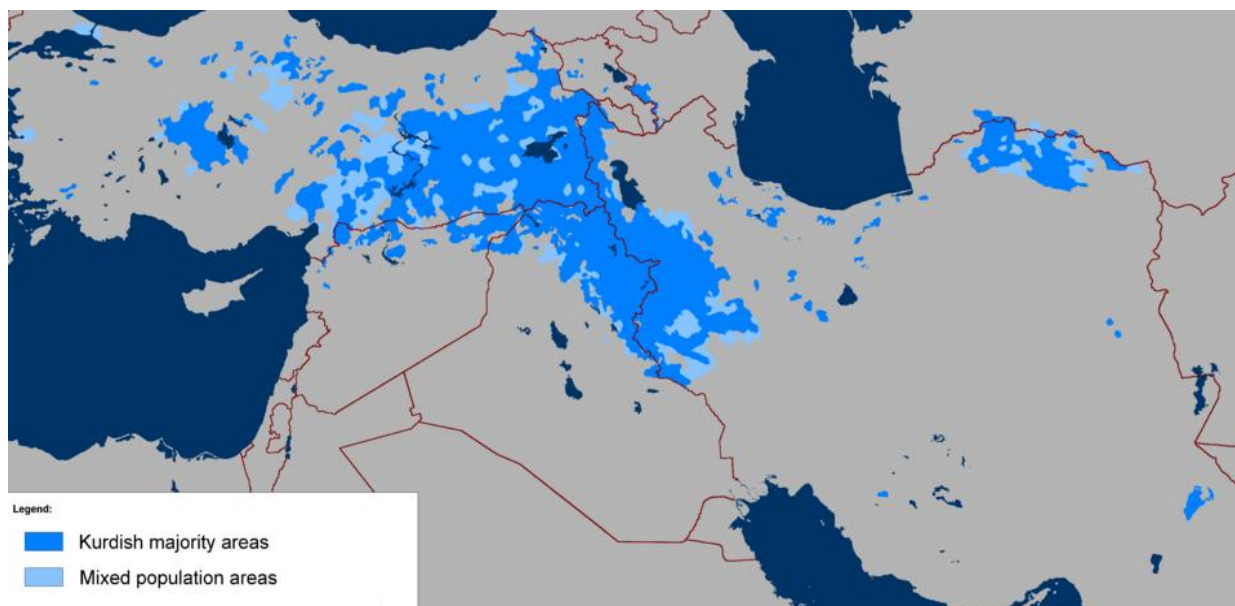

Рисунок 6 – Расселение курдского народа на Ближнем Востоке [65]

Исходя из анализа различных исследований, посвященных данной проблеме, под курдским вопросом понимается следующая совокупность:

1 Межэтнические противоречия в государствах, на территории которых расположены части исторического Курдистана (Турция, Иран, Ирак, Сирия).

2 Правящие круги этих стран делают ставку на силовые методы в решении курдской проблемы.

3 Внутренние и внешние риски, возникающие из-за отсутствия устойчивого решения проблемы в каждом из указанных государств.

4 Идеологические течения, основанные на идеях курдского национального самоопределения.

5 Активность курдских политических и военных структур (партии, вооруженные формирования, общественные движения).

6 Также особого внимания заслуживает такой аспект как политизация этничности элитами. Так, в своей работе «Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире» В. А. Ачкасов подчеркивает возможность использования курдской проблемы в качестве средства давления или геополитического козыря в межгосударственных отношениях в регионе, как

региональными, так и мировыми державами [15, с. 563]. Например, режим Асада то поддерживал курдские группы против Турции, то подавлял их в зависимости от политической конъюнктуры. Даже сами курдские элиты могут превращать национальное движение в источник личной власти и экономических привилегий (как это сделали кланы Барзани и Талабани, монополизировав власть и ресурсы).

Как отмечают многие ученые, курдский вопрос в современном виде во многом существует благодаря политизированности курдской культуры и борьбой за сохранение национальной автономии. Курдские движения (РПК, ДПК и др.) используют историческую память о дискриминации и репрессиях для мобилизации народа, превращая этническую идентичность в инструмент борьбы за независимость.

Одним из наиболее проблемных курдский вопрос является для Турции. Его истоки восходят к периоду становления Турецкой Республики в 1920-х гг., когда основатель государства Мустафа Кемаль Ататюрк взял курс на создание унитарной нации-государства [23, с. 74]. В основе интеграционных процессов находился принцип «одна страна – одна нация». «Единство» турецкой нации было зафиксировано во всех турецких конституциях, включая ныне действующую, и на практике вылилось в то, что всякое проявление национального сознания нетурецких народов каралось как «сепаратизм». Все это привело к тому, что курды, составлявшие значительную часть населения восточных регионов, были подвергнуты систематической ассимиляции: их этническая идентичность отрицалась, а само название «курды» было заменено на «горные турки» [36].

В таблице Г.1 (Приложение Г) представлена хронология этапов развития курдского вопроса. Можно заметить, что во второй половине XX в. курдское движение во всех странах перешло от традиционных форм сопротивления к политической и вооруженной борьбе. В частности, создание Рабочей партии Курдистана (РПК) в Турции в 1978 г. под руководством Абдуллы Оджалана, что стало переломным моментом.

РПК, провозгласившая своей целью создание независимого Курдистана, с 1984 г. развернула партизанскую войну против турецких властей. Проводились масштабные военные операции турецкой армии в юго-восточных с применением

авиации и танков. Все это сопровождалось нарушениями прав человека, включая депортации курдского населения и уничтожение деревень [63], а также террористическими актами со стороны РПК (взрывы в городах, нападения на военных). По данным исследований, конфликт унес жизни десятков тысяч человек и завершился лишь после ареста Оджалана в 1999 г. [67, с. 277].

В XXI в. политика Турции в отношении курдов сочетает элементы подавления и тактического маневрирования. С одной стороны, Анкара продолжает рассматривать РПК как террористическую организацию, проводя военные операции не только на своей территории, но и в соседних Сирии и Ираке. С другой стороны, правящая партия делает символические уступки. В 2002 г. был снят запрет на курдский язык в СМИ, в 2012 г. было разрешено обучение на курдском языке в частных школах, а в 2013–2015 гг. были начаты мирные переговоры с РПК [68, с. 39].

При этом курдский вопрос остается инструментом консолидации турецкого общества вокруг националистической и исламистской идеологии. Угроза курдского сепаратизма, часто преувеличиваемая властями, служит оправданием для ограничения гражданских свобод и военных интервенций за рубежом. В то же время легальная прокурдская Партия демократии народов (ПДН) продолжает выступать за мирное решение проблемы через расширение прав меньшинств в рамках существующей государственной системы.

Уникальный случай в ближневосточной политике, где курдам удалось добиться значительной автономии (но не полной независимости) – курдский вопрос в Ираке. Он прошел сложную эволюцию от систематических репрессий при Саддаме Хусейне до создания автономного региона. После образования современного Ирака курды сразу заняли особое положение, однако реальная автономия оставалась недостижимой вплоть до 1991 г.

Перелом наступил после 2003 г., когда новая конституция Ирака от 2005 г. закрепила автономный статус Курдистана, включая право на собственные вооруженные формирования (пешмерга) и значительные экономические полномочия. Однако спорные вопросы, особенно вокруг Киркука и распределения нефтяных доходов, продолжали обострять отношения с Багдадом. Кульминацией стал

референдум о независимости 2017 г., где 92,7 % участников проголосовали за отделение, но жесткая реакция Багдада и международного сообщества привела к восстановлению федерального контроля над этими территориями [31].

Сегодня Иракский Курдистан, оставаясь наиболее стабильным регионом страны, сталкивается с множеством проблем, включая внутренние политические разногласия и непростые отношения с соседями. Несмотря на значительные достижения в построении автономии, перспективы полной независимости остаются туманными из-за противодействия как Багдада, так и международного сообщества [67, с. 297]. Курдский вопрос в Ираке демонстрирует как возможности, так и пределы этнополитического самоопределения в условиях современного Ближнего Востока.

В отличие от Ирака, курдский вопрос в Сирии долгое время оставался в тени по сравнению с Турцией и Ираком. Лишь после гражданской войны 2011 г. он приобрел стратегическое значение.

Переломным моментом стал 2012 г., когда правительственные войска были выведены из северных районов Сирии, оставив курдов один на один с наступающими боевиками «Исламского государства». В ответ курды создали Автономную администрацию Северной и Восточной Сирии (ААНЕС), известную как «Рожава», и сформировали Сирийские демократические силы (СДС). При поддержке международной коалиции, особенно США, курды сыграли ключевую роль в разгроме ИГИЛ, освободив Ракку и другие стратегические территории [31].

Однако автономия курдов остается непризнанной Дамаском и Анкарой. Турция рассматривает курдские отряды как угрозу из-за их связей с Рабочей партией Курдистана (РПК) и проводит военные операции в северной Сирии (например, захват Африна в 2018 г.). Сирийское правительство, в свою очередь, требует ликвидации курдских структур и восстановления контроля над нефтеносными районами [22].

Таким образом, Автономное управление Северной и Восточной Сирии (Рожава) представляет собой уникальный пример политического образования. Парадокс Рожавы заключается в том, что именно условия перманентного конфликта позволили сформировать устойчивую автономию: военная угроза со стороны ИГИЛ сплотила разнородные группы населения, а необходимость сопротивления турецкой

экспансии укрепила местные институты власти. Однако эта же конфликтная динамика ограничивает потенциал институционального развития, делая автономию заложником геополитических игр.

Подобно ближневосточным конфликтам, Сахельский регион (переходная зона между Сахарой и тропической Африкой) превратился в арену сложного переплетения этнических, религиозных и геополитических противоречий. Расположение данного региона на карте Африки представлено в Приложении Д.

Однако если курдский вопрос во многом связан с борьбой за самоопределение разделенного народа, то кризис в Сахеле, как отмечают многие ученые, обусловлен сочетанием внутренних факторов (таких как межэтническая рознь, слабость государств) и внешнего вмешательства (террористические группировки, бывшие колониальные державы, новые региональные игроки).

Как и на Ближнем Востоке, границы многих государств Сахеля (Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Чад) были искусственно проведены колониальными властями, что привело к разделению родственных народов (например, туарегов между Мали и Нигером) и включению враждебных групп в единые административные структуры.

Ключевыми акторами локальных противостояний выступают этнические группы, такие как туареги и фулани. Туареги, исторически претендующие на автономию в северных районах Мали, неоднократно поднимали сепаратистские восстания, наиболее масштабные из которых произошли в 2012 г. Их требования связаны с неравномерным распределением ресурсов и ограниченным доступом к политическому участию. В свою очередь, фулани, традиционно занимающиеся скотоводством, вовлечены в затяжные конфликты с земледельческими общинами из-за доступа к земле и водным ресурсам.

Одним из важнейших факторов возникновения данного кризиса является слабость государственности. Большинство стран Сахеля не способны обеспечить эффективное управление и реализовать политику инклюзивности. Отсутствие единой национальной идентичности и институционального суверенитета обостряют внутренние противоречия и способствуют распространению сепаратизма и радикализма [18, с. 15–17].

Вторым существенным аспектом выступает историческая природа межэтнических и межплеменных напряжённостей. Например, джихадистские движения в регионе, включая Фронт освобождения Макины (*MLF*) и «Боко Харам», активно эксплуатируют этническую идентичность. Эти группировки стремятся к возрождению исторических исламских государств и получают поддержку через этноцентрические нарративы [18, с. 9–12]. Таким образом, этнический фактор оказывается не только источником конфликта, но и основой легитимации насильственных действий.

Кроме того, следует подчеркнуть, что важнейшим катализатором нынешнего кризиса стал распад Ливии в 2011 г. По мнению экспертов, последовавший за этим поток оружия и боевиков резко дестабилизировал ситуацию во всем регионе. В частности, это позволило туарегским повстанцам и исламистским группировкам в 2012 г. установить контроль над северными территориями Мали, что привело к французской военной интервенции «Сервал» [45]. Это также наложилось на процесс климатических изменений, вызвавший массовую миграцию кочевых племен и обострение конфликтов между скотоводами и земледельцами.

Также нельзя не отметить значимость демографических и социальных факторов: высокий уровень безработицы среди молодёжи (безработная молодежь особенно уязвима для вербовки в террористические группы, которые выплачивают новобранцу и его семье ежемесячное пособие), ограниченность доступа к образованию и услугам, а также слабая экономическая интеграция этнических групп делают их уязвимыми к радикализации [54].

Таким образом, этнотерриториальные конфликты в Сахеле обусловлены сочетанием факторов: исторически укоренённых межэтнических антагонизмов, слабости государственности, конкуренции за ресурсы и неспособности к инклюзивному политическому устройству.

На фоне внутренних предпосылок конфликта главным аспектом эскалации в Сахеле стало вмешательство внешних акторов, сделавшее из локального противостояния многоуровневый геополитический кризис.

Франция, бывшая метрополия для многих стран региона, длительное время обеспечивала безопасность в Сахеле. Операция «Бархан», начатая в 2014 г. против исламских террористических группировок, стала крупнейшей военной миссией Парижа в Африке, с пиковым контингентом в 5,1 тыс. военнослужащих.

Однако, несмотря на первоначальные успехи в борьбе с джихадистскими группировками, миссия столкнулась с рядом проблем:

1 Рост антифранцузских настроений среди местного населения, воспринимавшего присутствие иностранных войск как неокOLONиализм [66, с. 463].

2 Неэффективность военных операций. Уничтожение лидеров террористических групп не привело к стабилизации, а лишь спровоцировало фрагментацию вооружённых формирований. На рисунке 7 можно заметить, что в период активного вмешательства Франции число столкновений выросло в 4 раза.

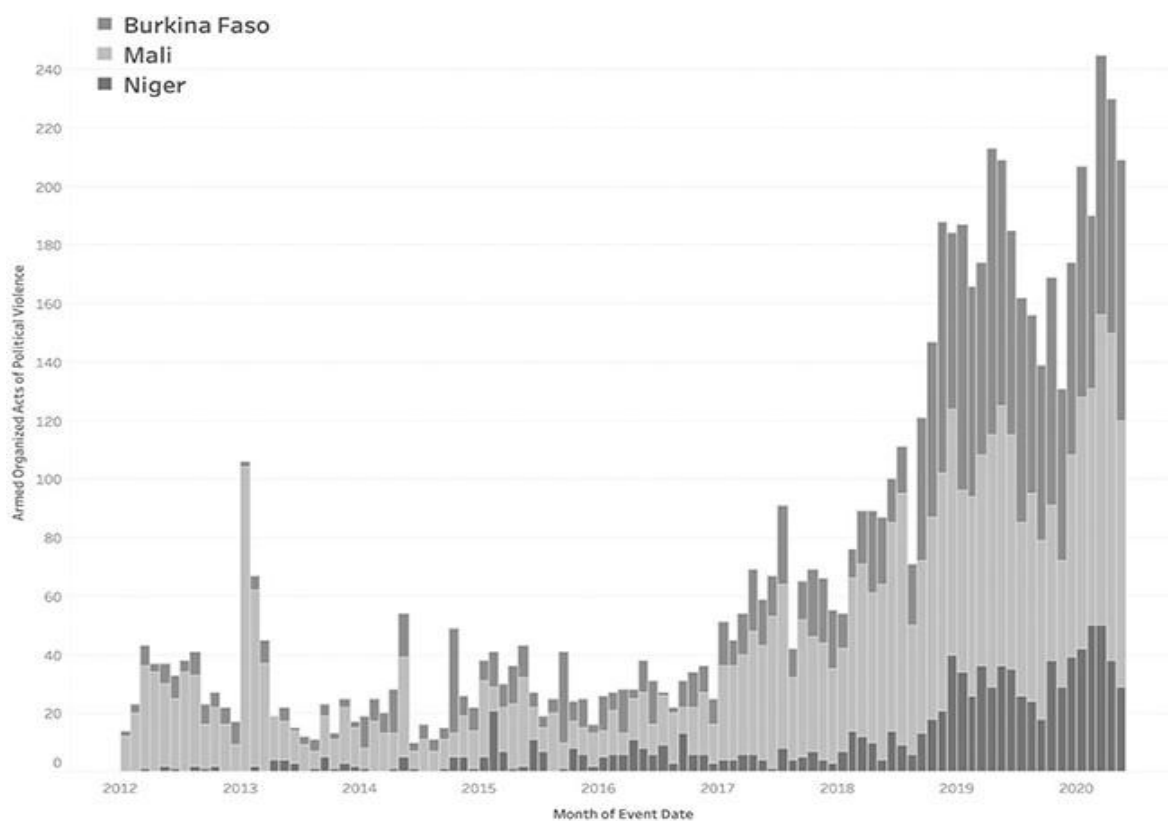

Рисунок 7 – Число вооруженных столкновений по странам, Буркина-Фасо, Мали, Нигер, 2012–2020 гг. [50]

3 Политическая нестабильность в странах-партнёрах: серия военных переворотов в Мали в 2020–2021 гг., Буркина-Фасо в 2022 г. и Нигере в 2023 г. окончательно подорвала легитимность французского присутствия.

К 2022 г. Париж был вынужден начать вывод войск, что создало вакуум безопасности, быстро заполненный альтернативными игроками.

Уход Франции открыл возможности для усиления влияния России, действующей через частные военные компании (ЧВК), прежде всего группу «Вагнер». Мали официально запросила помощь у российской частной военной компании, что вызвало критику со стороны западных стран и породило геополитическую напряженность между Москвой и Парижем [18].

Помимо глобальных держав, значительную роль в сахельских конфликтах играют региональные акторы. Так, Алжир выступает в роли медиатора в переговорах между правительствами и туарегскими группами (Алжирские соглашения 2015 г.) и одновременно использует кризис для ослабления Марокко, своего стратегического соперника [50].

Кроме того, увеличивают экономическое и военное присутствие ОАЭ и Турция, особенно в зоне Сахель-Сахара, где конкурируют за доступ к логистическим и энергетическим проектам.

С 2023 г. на фоне политических кризисов и военных переворотов в Сахеле происходит стремительное формирование новых наднациональных союзов, отражающих смену вектора региональной интеграции и дезинтеграцию прежней архитектуры безопасности. Наиболее ярким проявлением этого процесса стало учреждение Альянса Сахельских государств (*Alliance des États du Sahel, AES*) – военного союза Мали, Буркина-Фасо и Нигера, официально оформленного в сентябре 2023 г. подписанием Липтакской хартии. Создание альянса стало реакцией на угрозу военного вмешательства со стороны Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) после переворота в Нигере. Документ закрепил принципы коллективной обороны, совместной борьбы с терроризмом и недопущения иностранного вмешательства, а также координацию военных ресурсов трёх стран [9].

Формирование *AES* сопровождалось открытым отказом от прежних наднациональных структур. В январе 2024 г. Мали, Нигер и Буркина-Фасо официально объявили о выходе из ЭКОВАС и заявили о планах покинуть Западноафриканский экономический и валютный союз (УЭМОА), доминируемого Францией через контроль над франком КФА. Эти шаги означали не только политическое дистанцирование от западных моделей управления, но и окончательный разрыв с либеральной интеграционной повесткой, основанной на идеях демократии, прав человека и экономической открытости. Вместо этого в регионе формируется новая модель наднациональности – военный регионализм, где основополагающими принципами становятся суверенитет, военная мобилизация и борьба с терроризмом.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что *AES* становится не только союзом безопасности, но и платформой геополитического перераспределения влияния, в которой Россия выступает в роли альтернативного гаранта безопасности взамен Франции и ЭКОВАС.

Подводя итоги проведенному анализу, можно сказать, что этно-территориальные конфликты на Ближнем Востоке и в Африке, включая курдский вопрос и кризис в Сахеле, являются следствием сложного переплетения множества факторов, а их корни уходят в колониальное наследие.

Курдский вопрос демонстрирует трагическую судьбу крупнейшего народа без государства, разделённого между Турцией, Ираком, Сирией и Ираном. Несмотря на попытки урегулирования, проблема остаётся нерешённой из-за противодействия центральных властей и интересов внешних игроков. Уникальный опыт Иракского Курдистана и Рожавы в Сирии показывает, что даже частичное самоуправление возможно лишь в условиях перманентного конфликта, что делает эти модели неустойчивыми.

В Сахеле же конфликты носят ещё более фрагментированный характер, сочетая этнические противоречия, слабость государств и вмешательства внешних сил. Франция, Россия, региональные державы и джихадистские группировки превратили

регион в арену геополитической конкуренции, где локальные интересы подавляются глобальными стратегиями.

Все это позволяет выявить общие закономерности, характерных для этно-территориальных противостояний в этих регионах. Во-первых, тенденция политизации этничности, когда этническая идентичность превращается в инструмент борьбы за власть и ресурсы. Элиты – как национальные, так и международные – сознательно используют этнические различия для мобилизации сторонников, легитимации своих действий или давления на оппонентов.

Во-вторых, для этих конфликтов характерна их геополитическая инструментализация. Внешние акторы – будь то глобальные державы или региональные игроки – активно вмешиваются в локальные противостояния, преследуя собственные стратегические и экономические интересы.

И, наконец, эти конфликты демонстрируют удивительную способность адаптироваться к меняющимся условиям, трансформироваться, но не исчезать. Они переживают смену поколений, изменения политических режимов, даже глобальные геополитические перестройки – но продолжают воспроизводиться в новых формах.

Таким образом, эти конфликты остаются «вечными» не из-за врождённой вражды народов, а из-за системных политических и экономических факторов, воспроизводящих насилие.

Глава 3 Международное вмешательство и пути урегулирования этнотерриториальных конфликтов

3.1 Роль политических стратегий государств и международных организаций в разрешении конфликтов

Этнотерриториальные конфликты, несмотря на свою локальную природу, редко остаются изолированными от внешнего вмешательства. Государства, международные организации, региональные структуры могут оказывать существенное влияние на их урегулирование, путем посредничества, гуманитарной помощи или другим содействием в достижении мира.

Международные организации играют многофункциональные роли в разрешении конфликтов. ООН формально остается главным арбитром. Ее посреднические усилия направлены на содействие диалогу и переговорам между конфликтующими сторонами с целью достижения взаимоприемлемых соглашений и предотвращения эскалации насилия. Миротворческие миссии, авторизованные Советом Безопасности ООН, направляют военный и гражданский персонал для мониторинга прекращения огня, защиты гражданских лиц и содействия доставке гуманитарной помощи в зонах конфликта [17]. Однако их резолюции (например, по Карабаху в 1993 г.) зачастую игнорируются из-за противоречий между постоянными членами СБ.

ООН и ее специализированные миссии (например, *MINUSMA* в Мали) демонстрируют как потенциал, так и ограничения многостороннего подхода. С одной стороны, они обеспечивают легитимность международного присутствия, с другой – часто сталкиваются с проблемой нехватки ресурсов и мандата. Как свидетельствует доклад Генсека ООН за 2023 г., эффективность миротворцев в Мали была существенно ограничена нежеланием сторон конфликта идти на компромиссы.

Региональные организации, к примеру, такие как Африканский союз или ОБСЕ иногда эффективнее глобальных структур, так как лучше понимают локальную специфику. Миссия ОБСЕ в Нагорном Карабахе, несмотря на невозможность

предотвратить эскалацию 2020 г., десятилетиями поддерживала каналы коммуникации между сторонами. В то же время региональные организации часто становятся заложниками противоречий между своими членами. Яркой иллюстрацией проблем региональных организаций стал кризис в Сахеле, где Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) и Африканский союз продемонстрировали системные слабости в урегулировании конфликта. Так, Алжир и Марокко блокировали совместные инициативы из-за спора о Западной Сахаре, а Нигерия и Кот-д'Ивуар продвигали разные подходы: военное вмешательство либо же переговоры с джихадистами.

Более того, их ресурсы могут быть ограничены. Например, бюджет миссии ЭКОВАС в Мали в 2020 г. составлял 50 млн долл. – это в 10 раз меньше, чем требовалось [51].

Дополнительным аспектом, существенно влияющим на эффективность международного вмешательства, является характер взаимодействия между глобальными и региональными структурами. Как подчеркивает И. Р. Ютяева в исследовании, посвящённом миротворческой деятельности ООН в Африке, отсутствие четкого разграничения полномочий между миссиями ООН и региональными организациями, такими как Африканский союз или ЭКОВАС, ведёт к дублированию функций, конфликту приоритетов и ослаблению координации. Так, в Мали, где действовала миссия *MINUSMA*, ООН была вынуждена одновременно выполнять задачи обеспечения безопасности, поддержки институциональных реформ и содействия гуманитарной помощи. По мнению Ютяевой, такой «двойной мандат» перегружает миссию и приводит к распылению ресурсов и снижению эффективности операций [49, с. 82–86].

В условиях конфликта в Сахеле это особенно заметно. Несмотря на наличие нескольких структур – *MINUSMA*, МИСМА, *G5 Сахель*, а также контингентов ООН и Франции, – отсутствие координации между ними затрудняло реализацию стабильных решений. Региональные государства зачастую преследовали противоречивые интересы, что еще больше усложняло деятельность международных миссий. Как показывает анализ Ютяевой, неэффективность урегулирования в Мали

во многом была следствием именно институциональной рассогласованности, а не только нехватки финансирования или нестабильной обстановки на местах [49, с. 74].

Нельзя не учитывать и влияние политической воли крупных держав на работу международных институтов. Постоянные члены Совета Безопасности ООН нередко блокируют резолюции по конфликтам в силу геополитических интересов. Это ослабляет доверие к ООН как к универсальному арбитру. Например, в ситуации с Нагорным Карабахом резолюции СБ от 1993 г., признающие территориальную целостность Азербайджана, не сопровождались эффективными механизмами принуждения к выполнению. Таким образом, международно-правовой ресурс ООН без поддержки держав остается символическим.

Еще одной важной структурой в разрешении конфликтов являются неправительственные организации. Они дополняют официальные форматы, предлагая нестандартные подходы. Гуманитарные организации, такие как Международный комитет Красного Креста (МККК), предоставляют жизненно важную помощь населению, пострадавшему от конфликтов, включая продовольствие, жилье и медицинскую помощь [17]. Их преимущество – гибкость и способность работать с неофициальными каналами коммуникации.

Особое значение в исследовании путей урегулирования этно-территориальных конфликтов имеют политические стратегии государств. Их можно условно разделить на три основные категории: институциональные, силовые и экономические.

Институциональные подходы демонстрируют свою эффективность в случаях, когда центральные власти готовы идти на компромиссы. Федерализация и предоставление автономии, как показывает пример Иракского Курдистана, могут стать действенным инструментом снижения напряженности. Конституция Ирака 2005 г. закрепила особый статус курдского региона, включая право на собственные вооруженные формирования (пешмерга) и контроль над местными ресурсами. Однако, как свидетельствует кризис вокруг референдума о независимости 2017 г., такие модели требуют четкого механизма распределения полномочий и постоянного диалога между центром и регионом.

Силовые методы, напротив, чаще приводят к затягиванию конфликтов. Турецкая стратегия в отношении курдского вопроса, основанная на военном подавлении РПК и ограничении культурных прав курдов, привела к сорокалетнему противостоянию, унесшему жизни более 40 тыс. человек. При этом, как отмечает исследователь Б. Уолтер, силовое решение редко приводит к окончательному урегулированию, а лишь замораживает конфликт на время [78].

Экономические инструменты представляют собой перспективное направление, но их эффективность зависит от системности подхода. Инвестиции в развитие инфраструктуры конфликтных регионов, как в случае Палестинской автономии, могут снизить социальную базу радикальных движений. Однако, как показывает опыт Сахеля, точечные экономические вливания без политических реформ часто приводят к коррупции и неравномерному распределению ресурсов.

Разнообразие стратегий урегулирования этнотерриториальных конфликтов требует системного сравнения их эффективности. Для наглядности представим ключевые данные в табличной форме. Как можно увидеть из таблицы 1, ни одна из стратегий не является универсальной.

Таблица 1 – Сравнение стратегий государств в урегулировании этнотерриториальных конфликтов [составлено автором по: 15; 27; 78]

Стратегия	Преимущества	Недостатки	Пример
Федерализация	Снижает сепаратизм	Риск раскола страны	Ирак
Силовое подавление	Быстрый результат	Долгосрочная эскалация	Турция-РПК
Экономические стимулы	Улучшает жизнь населения	Без политических реформ неэффективны	Палестина

Таким образом, международное вмешательство в этнотерриториальные конфликты требует более сбалансированного подхода, где институциональные

реформы, гуманитарные инициативы и учет местных традиций дополняют друг друга. Опыт ООН, МККК и региональных организаций подчеркивает: устойчивый мир возможен лишь при условии преодоления ведомственных и геополитических барьеров.

3.2 Влияние цифровых технологий на урегулирование этнотерриториальных конфликтов

Цифровые технологии стали неотъемлемым элементом современных этнотерриториальных конфликтов, создавая как новые возможности для их урегулирования, так и порождая уникальные сложности. Если в XX в. конфликты регулировались преимущественно через дипломатические переговоры и силовое вмешательство, то сегодня социальные сети, кибероперации трансформируют характер противостояний. В данном разделе будет рассмотрена двойственная роль технологий – как инструмента эскалации и как средства мирного урегулирования – на примере конфликтов в Сирии, Сахеле и Нагорном Карабахе.

Прежде всего, следует отметить, что социальные сети и киберпространство создают новые возможности для манипуляции общественным сознанием. Молниеносная отправка сообщений сотням получателей по всему миру позволяет координировать и манипулировать действиями субъектов, принадлежащих к разным социальным общностям. Так, по данным исследований, анонимность сетевых коммуникаций, снижает ответственность за распространение фейков, а фальсификация данных провоцирует слухи и панику [16].

Так, во время Второй Карабахской войны обе стороны активно использовали цифровые технологии для информационной войны. Распространялись видеозаписи военных действий, часто сопровождаемые пропагандистскими комментариями. Кроме того, фиксировались кибератаки на государственные и медийные ресурсы, направленные на дестабилизацию информационного пространства противника [62]. Согласно отчёту *JAMnews*, в октябре 2020 г. азербайджанские хакеры взломали около

50 армянских государственных сайтов, разместив на них пропагандистские сообщения и изображения [31].

Аналогичным образом, в странах Сахеля, таких как Мали и Буркина-Фасо, вооружённые группы используют социальные сети и мессенджеры для распространения дезинформации, вербовки и координации действий [53]. Серьезную обеспокоенность вызывает то, что такая дезинформация направлена не только против противоборствующих сторон, но и против международных миротворческих миссий. В Мали, например, массовые кампании в *Facebook* и *WhatsApp* обвиняли миссию ООН *MINUSMA* в пособничестве террористам, что привело к протестам и нападениям на базы миротворцев. Эти информационные атаки, по данным *AFRICOM*, координировались как радикальными группами, так и внешними геополитическими акторами.

Таким образом, цифровые технологии делают конфликты более «гибридными», где кибератаки, фейковые нарративы и целенаправленная дезинформация дополняют традиционные боевые действия. Одновременно с этим они становятся и мощным инструментом контроля и наблюдения.

Те же самые технологии могут служить и инструментами мира. Современные средства связи, аналитики и наблюдения – такие как платформы *OSINT*, социальные сети, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), а также спутниковая разведка, – не только трансформируют характер вооружённого противоборства, но и влияют на способы урегулирования конфликтов.

Цифровые технологии активно используются для мониторинга и фиксации нарушений в зонах конфликтов. Так, конфликт в Нагорном Карабахе в 2020 г. продемонстрировал эффективность применения БПЛА как в военном, так и в информационном аспекте. После завершения Второй Карабахской войны технологии дистанционного зондирования начали использоваться для наблюдения за линией соприкосновения и документирования возможных нарушений. Это существенно дополнило усилия миротворческих миссий и повысило прозрачность в зоне конфликта. Как подчёркивает С. В. Целицкий, именно наличие современных средств

наблюдения позволило оперативно фиксировать действия сторон, снижая риск односторонней интерпретации и информационных манипуляций [47].

Цифровая фиксация нарушений прав человека и международного гуманитарного права – ещё один важный аспект. Независимые организации, такие как *Amnesty International*, используют спутниковые снимки, данные из социальных сетей и видеоматериалы очевидцев для создания отчётов, направленных на привлечение внимания международного сообщества и оказание давления на нарушителей. В случае конфликта в Нагорном Карабахе именно такие цифровые доказательства позволили задокументировать разрушения гражданской инфраструктуры и подкрепить призывы к международной ответственности [62].

Также существует проект *Sentinel*, использующий данные дистанционного зондирования Земли. Он позволяет отслеживать перемещения беженцев, разрушения инфраструктуры и другие последствия вооруженных конфликтов. В Сирии, например, анализ космических снимков помог гуманитарным организациям точно определять наиболее пострадавшие районы и эффективно распределять помощь [61].

В данном исследовании нельзя не упомянуть технологии *OSINT* (разведка на основе открытых источников), которые играют важную роль в верификации фактов и борьбе с дезинформацией. Они применяются как независимыми экспертами, так и неправительственными организациями. Например, в регионе Сахеля спутниковый мониторинг и анализ открытых источников позволяют своевременно выявлять очаги насилия, перемещения населения и гуманитарные кризисы [73]. Эти данные часто ложатся в основу решений о направлении международной помощи и разработки стратегий стабилизации.

Цифровые технологии также трансформируют традиционные методы дипломатии и посредничества. Создаются различные онлайн-платформы для дипломатических переговоров и гражданского диалога. Они становятся каналом для переговоров в условиях, когда личные встречи невозможны. Так, к примеру, во время ливийского конфликта в 2020–2021 гг. ООН успешно использовала платформу *Zoom* для проведения переговоров между враждующими группировками. В частности, в отчёте Генерального секретаря ООН о работе Миссии поддержки ООН в Ливии

(*UNSMIL*) отмечается, что в условиях пандемии *COVID-19* переговоры проводились в формате видеоконференций, что позволило обеспечить их продолжение несмотря на ограничения на передвижение [76]. Виртуальные встречи не только сократили логистические издержки, но и создали более безопасную среду для диалога, что в конечном итоге ускорило подписание перемирия.

Более того, онлайн-платформы и виртуальные конференции дают возможность привлечь к диалогу не только официальные делегации, но и представителей гражданского общества, этнических общин и диаспор. Особенно это актуально в контексте Курдского вопроса, где курдская диаспора активно использует интернет для ведения информационной кампании и привлечения международного внимания, что, способно оказать влияние на международную повестку и позиции вовлечённых государств [53].

Однако на фоне этих позитивных возможностей возникает и новый вызов — цифровое неравенство и «информационный колониализм». Технологии *OSINT*, спутниковые снимки и аналитические платформы находятся в распоряжении преимущественно государств Глобального Севера и частных технологических корпораций. Это формирует зависимость развивающихся стран от внешних источников информации, снижает их цифровой суверенитет и затрудняет выработку собственных подходов к урегулированию конфликтов [57, с. 22].

В то же время правовое регулирование киберпространства и цифровых конфликтов остаётся фрагментарным. Несмотря на усилия ООН и экспертных групп *GGE* и *OEWG* по выработке норм ответственного поведения государств в киберсфере, отсутствует универсальный международный договор, регулирующий действия государств и негосударственных акторов в цифровой среде во время конфликтов. Это создаёт «серую зону» безнаказанности, в которой кибератаки, дезинформация и манипуляции остаются эффективными, но не поддающимися международному контролю.

Таким образом, влияние цифровых технологий на урегулирование этнотерриториальных конфликтов крайне противоречиво. С одной стороны, они повышают прозрачность, открывают новые инструменты деэскалации,

документирования нарушений, привлечения международного внимания. С другой стороны – порождают новые угрозы киберэскалации, радикализации и манипуляции массовым сознанием. Всё это требует активного участия международных организаций в регулировании цифрового пространства и формирования нового режима цифровой медиативной политики – объединяющего государства, НПО, технологические платформы и местные сообщества в целях мирного урегулирования конфликтов в цифровую эпоху.

Заключение

Этнотерриториальные конфликты являются одной из глобальных проблем современности, а их решение – одна из важнейших задач. Они представляют собой сложное многофакторное явление, требующее комплексного подхода к изучению.

Проведенный анализ подтвердил, что ключевыми детерминантами конфликтов выступают не столько объективные этнические различия, сколько их политизация и институционализация в конкретных исторических условиях. Также особую значимость приобретает территориальный фактор, который трансформируется из географического понятия в политико-символический ресурс борьбы.

По результатам проведенной работы можно выделить следующие основные причины этнотерриториальных конфликтов. Во-первых, это исторические травмы, которые включают в себя депортации, колониальное наследие, искусственное изменение границ. Во-вторых, это борьба за ресурсы и территориальный контроль. В-третьих, это политизация этнической идентичности элитами и внешними силами. И, наконец, это институциональная слабость государств, которые не способны обеспечить равноправность различных групп.

Как показало исследование, в демократических обществах этнические конфликты могут регулироваться через политический диалог, правовые механизмы и институты гражданского общества. Однако в условиях авторитарных режимов преобладают силовые методы подавления, которые лишь усугубляют противоречия, переводя их в «замороженное» состояние с риском внезапной эскалации.

Особую сложность представляют конфликты на постсоветском пространстве, где советское административное деление и национальная политика оставили глубокие противоречия. Нагорный Карабах, осетино-ингушский конфликт и другие подобные конфликты демонстрируют, что игнорирование исторических и этнокультурных особенностей ведет к длительной нестабильности.

В ближневосточном же регионе (курдский вопрос) и Африке (Сахель) конфликты развивались под влиянием колониального наследия и современных геополитических интересов.

Следует также отметить, что в исследовании была выявлена устойчивая тенденция к «гибридизации» конфликтов, сочетающих традиционные формы противостояния с цифровыми технологиями. Современные вызовы добавляют новые измерения этим конфликтам, делая их еще более сложными для урегулирования. Однако развитие технологий также открывает новые возможности для мониторинга, медиации и поиска компромиссов.

Перспективными направлениями решения проблемы этнотерриториальных конфликтов являются укрепление правовых механизмов защиты меньшинств и региональных автономий, что предполагает разработку и совершенствование законодательных норм, гарантирующих равные права и возможности для всех этнических групп. Важную роль играет развитие межгосударственного сотрудничества при участии нейтральных посредников, таких как ООН и ОБСЕ, которые могут способствовать налаживанию диалога между конфликтующими сторонами и поиску взаимоприемлемых решений. Не менее значимым направлением является создание систем раннего предупреждения, основанных на комплексном анализе социально-политических рисков и позволяющих своевременно выявлять и нейтрализовать потенциальные очаги напряженности. Кроме того, продвижение межкультурного диалога через образовательные программы, культурные обмены и совместные проекты способствует преодолению стереотипов и вражды, формируя основу для устойчивого мира и взаимопонимания между различными этническими сообществами.

Конфликты не статичны – они эволюционируют, а значит, всегда есть шанс найти новые пути их урегулирования. Однако до тех пор, пока общество не осознает губительность силовых решений и не научится предотвращать межэтническую напряженность, эти противоречия будут продолжать дестабилизировать мировую политику.

Таким образом, задача науки и практики – не только изучать природу этнотерриториальных конфликтов, но и разрабатывать эффективные инструменты их предотвращения, опираясь на принципы справедливости, диалога и устойчивого развития.

Список использованных источников

- 1 Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция 62/243 от 14 марта 2008 г. «Положение на оккупированных территориях Азербайджана». URL: <https://documentsddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/281/40/PDF/N0828140.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.05.2025).
- 2 Соглашение о бессрочном прекращении огня в зоне нагорно-карабахского конфликта от 12 мая 1994 г. // Личный сайт В. Н. Казиминова. Основные документы. URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc10.htm> (дата обращения: 10.05.2025).
- 3 Бишкекский протокол от 5 мая 1994 г. // Личный сайт В. Н. Казиминова. Основные документы. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/doc9.htm> (дата обращения: 10.05.2025).
- 4 Трехстороннее заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации от 9 ноября 2020 г. // Российская газета. 2020. – 10 ноября. – № 255 (8309).
- 5 О реабилитации репрессированных народов : закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-І // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. – № 18, ст. 591.
- 6 О дополнительных мерах по обустройству вынужденных переселенцев : постановление Правительства РФ от 8 августа 2005 г. № 510 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. – № 33, ст. 3426.
- 7 Заключение Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по изучению причин и обстоятельств осетино-ингушского конфликта. 1993. № 5630–1. С. 12–15.
- 8 Соглашение между Республикой Ингушетия и Республикой Северная Осетия – Алания о возвращении беженцев, 2002 г. // Информационный вестник аппарата полномочного представителя Президента РФ. 2003. № 2. С. 45–47.
- 9 Аду Я. Н., Мезяев А. Б. Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 102–117.

- 10 Абалян А. И. Курдская проблема в Ираке: история и современность // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 124–139.
- 11 Албогачиева М. Осетино-ингушский конфликт: причины и последствия трагедии осени 1992 г. // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. Вып. 4. С. 50.
- 12 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
- 13 Анцупов А. Я. Конфликтология: учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. 5-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2022. 528 с.
- 14 Анчабадзе З. В., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа (XVI–XIX вв.). М. : Наука, 1993. С. 178–185.
- 15 Ачкасов В. А., Абалян А. И., Андреев А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст : коллективная монография. СПб. : Изд-во РХГА, 2021. 640 с.
- 16 Баньковская Ю. Л. Информационные конфликты современного общества // Основы ЭУП. 2022. № 3 (34). С. 10–13.
- 17 Беспалова А. В. Роль международных организаций в разрешении конфликтов // Вестник науки. 2024. № 11 (80). С. 858–862.
- 18 Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы): доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и Международного Комитета Красного Креста (МККК) № 77. М. : НП РСМД, 2022. 60 с. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/bolevye-tochki-afrikanckogo-kontinenta-sakhel-obzor-situatsii-i-perspektivy/> (дата обращения: 28.04.2025).
- 19 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1973. 283 с.
- 20 Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 171 с.
- 21 Бугай Н. Ф. Депортация народов в СССР (1930–1950-е годы). М. : Институт российской истории РАН, 2002. 250 с.

- 22 Вертяев К. В., Жигалина О. И., Иванов С. М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М. : Институт востоковедения РАН, 2013. 142 с.
- 23 Гасратян М. А. Патриотический союз Курдистана. М. : Институт Востоковедения. Специальный бюллетень. 2008. № 6. С. 270.
- 24 Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
- 25 Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. Ленинград : Гидрометеиздат, 1989. 496 с.
- 26 Гуриева С. Д. Межэтнические отношения: гармония, напряженность, конфликт // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2012. Вып. 3. С. 22–29.
- 27 Дмитриев А. В. Конфликтология: учебное пособие / А. В. Дмитриев. М. : Альфа-М, 2009. 256 с.
- 28 Загорнова, Е.В. Этапы становления и взаимоотношения наиболее влиятельных курдских партий // Ближний Восток и современность. М. : 2005. Вып. 26. 314 с.
- 29 Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. 3-е изд., доп. М. : Аспект Пресс, 1996. 317 с.
- 30 Зеленков М. Ю., Бочарников И. В. Международные конфликты XXI в.: учебник // М. : ИНФРА-М, 2024. 362 с.
- 31 Иванов С. М. Курдская проблема как наследство Версальской системы миропорядка // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 4. С. 122–131.
- 32 Информационное оружие во второй Карабахской войне, как это было. Оценка из Армении // JAMnews. 2021. URL: <https://jam-news.net/ru/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D0%BE-%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B9-%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0/> (дата обращения: 20.04.2025).

33 Калоева Е. Б. Роль национализма и популизма в судьбах народов Югославии в XX–XXI вв. (Обзор) // Национализм и популизм в Восточной Европе. 2007. № 2007. С. 147–165.

34 Климин Д. Ю. Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. № 3. С. 5–19.

35 Магомедова М. А. Межэтнические конфликты и противоречия на Северном Кавказе в контексте региональной // Власть. 2023. № 2. С. 72–78.

36 Маковская Д. В. Курдский вопрос: истоки и // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 50–55.

37 Маркедонов С. М. Полигон этнических конфликтов. 2006. URL: <http://www.apn.ru/publications/article9744.htm> (дата обращения: 17.04.2025).

38 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. С. 231–289.

39 Омелаенко Н. В., Новрузова З. Д. Этнический конфликт: его сущность, типологизация, причины // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 4. С. 130–135.

40 Сек Н. В., Какадий И. И. Этнополитический осетино-ингушский конфликт // Бюллетень науки и практики. 2019. № 7. С. 469–472.

41 Тишков, В.А. Общество в вооружённом конфликте: Этнография чеченской войны. М. : Наука, 2001. 552 с.

42 Тишков В. А. Этнополитология: Политические функции этничности: учебник для вузов / В. А Тишков., Ю. П. Шабает. 2-е изд. М. : Издательство Московского университета, 2013. 413 с.

43 Тишков В. А. Этничность, национализм и конфликт в Советском Союзе и после его распада // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 1998. № 2. С. 299–318.

44 Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/-%D0%A1hisl_MO_01-01-2024.xlsx (дата обращения: 22.04.2025).

45 Филиппов В. Р. Рудольфович АЗАБАД – самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 1. С. 214–227.

46 Хоперская Л. Л. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2019. 162 с.

47 Целицкий С. Применение беспилотных летательных аппаратов в вооруженных конфликтах в Сирии и Нагорном Карабахе // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 183–192.

48 Эсенов М. Роль СМИ в освещении этнической тематики на примере публикаций журнала «Центральная Азия и Кавказ» // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 2. С. 7–23.

49 Ютяева И. Р. Миротворческая деятельность ООН в Африке: проблемы и перспективы. Дисс. канд. полит. наук. М. : МГИМО, 2024. URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2024/yutyaeva-diss.pdf> (дата обращения: 13.05.2025)

50 African Affairs, London. Volume 120, Issue 478, January 2021. P. 123–143. URL: <https://doi.org/10.1093/afraf/adaa022> (дата обращения: 24.04.2025).

51 Africa Center for Strategic Studies. ECOWAS Risks Its Hard-Won Reputation in Mali, 2020. URL: <https://africacenter.org/spotlight/ecowas-risks-its-hard-won-reputation/> (дата обращения: 26.04.2025).

52 American Security Project. The Sahel: A Neglected Crisis in Africa URL: <https://www.americansecurityproject.org/the-sahel-a-neglected-crisis-in-africa/> (дата обращения: 26.04.2025).

53 Aydar Z. Digitalization of Long-Distance Nationalism: Diaspora and Their On-line Political Participation via Internet // GRFDT Research Monograph Series. 2021. № 12. P. 1–15. URL: https://www.grfdtonline.com/Upload/JournalGallery/1_313801458_-Zeynep%20Aydar.pdf (дата обращения: 29.04.2025).

54 Boosting Youth Employment in Niger'. The World Bank, 11 June 2013. URL: www.worldbank.org/eng/news/feature/2013/06/11-boosting-youth-employment-in-niger (дата обращения: 24.04.2025).

- 55 Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Polity Press, 2015. 220 p.
- 56 De Waal T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War. NYU Press, 2003. 413 p.
- 57 Deibert R. Reset: Reclaiming the Internet for Civil Society. Toronto : House of Anansi, 2020. 304 p.
- 58 European Commission. Memorandum of Understanding between the EU and Azerbaijan, 2022. URL: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 13.05.2025).
- 59 Gagnon V. P. The Myth of Ethnic War: Serbia and Croatia in the 1990s. Ithaca : Cornell University Press, 2004. P. 67–89.
- 60 Gates S., Nygard H. M., Urdal H. Trends in Armed Conflict // Conflict Trends, 2016. P. 4.
- 61 Geospatial World. Satellites for conflict zone monitoring // Geospatial World. URL: <https://geospatialworld.net/article/conflict-zone-monitoring/> (дата обращения: 29.04.2025).
- 62 Giles C. Nagorno-Karabakh: The Armenian-Azeri «information wars» // BBC. 2020. 26 окт. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-54614392> (дата обращения: 29.04.2025).
- 63 Human Rights Watch. Turkey: Forced Displacement of Kurds, 1995. URL: <https://www.refworld.org/reference/annualreport/hrw/1995/en/92892> (дата обращения: 28.04.2025)
- 64 Jaffrelot C. Modi's India: Hindu Nationalism and the Rise of Ethnic Democracy / A. P. Chatterji, T. Blom Hansen. Princeton: Princeton University Press, 2021. 520 p.
- 65 Kurds Distribution in the Middle East // Gulf2000 Project. New York : Columbia University, 2015. URL: https://gulf2000.columbia.edu/images/maps/Kurds_Distribution_in_Mid_East_lg.png (дата обращения: 20.04.2025).
- 66 Leonardo A. Villalón (ed). The Oxford Handbook of the African Sahel, Oxford University Press. 2021. 832 p.
- 67 McDowall D. A Modern History of the Kurds 3rd ed. London : I. B. Tauris, 2004. 515 p.

68 Ozkan M., Anaz N. Trajectories of a Stalemate: Turkey's Kurdish Question // Political Faultlines in the Middle East / ed. by Kingshuk Chatterjee. New Delhi : KW Publishers, 2021. P. 29–47.

69 Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations / Anthony D. Smith. Oxford : Blackwell, 1986. 312 p.

70 Smith A. D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach, 2009. 184 p.

71 Stockholm International Peace Research Institute. SIPRI Military Expenditure Database URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 13.05.2025).

72 Toft M. D. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests, and the Indivisibility of Territory. Princeton University Press. 2003, 226 p.

73 UNHCR. Sahel Crisis: Situation Update 2023. Geneva: UNHCR, 2023. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/sahelcrisis> (дата обращения: 28.04.2025).

74 United Nations. Report of the Secretary-General on the situation in Mali : докл. Генерального секретаря ООН. 2022. № S/2023/236. 20 p. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_2023_236.pdf (дата обращения: 26.04.2025).

75 United Nations. World Population Prospects, 2022. URL: <https://population.un.org/wpp> (дата обращения: 27.04.2025).

76 United Nations Support Mission in Libya: Report of the Secretary-General (S/2021/752) URL: <https://reliefweb.int/report/libya/united-nations-support-mission-libya-report-secretary-general-s2021752-enar> (дата обращения: 29.04.2025).

77 Vogt M. Integrating Data on Ethnicity, Inequality, and Conflict: The EPR-Index Project. Journal of Conflict Resolution, 65 (2–3), 2021. P. 529-559.

78 Walter B. F. The Critical Barrier to Civil War Settlement // International Organization, Volume 51, Issue 3, Summer 1997, P. 335–364.

79 World Bank. Azerbaijan GDP Growth (Annual %). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD.ZG?locations=AZ> (дата обращения: 13.05.2025).

80 Zuber C. I. Beyond Federalism: Decentralization and Ethnic Conflict. *World Politics*, 75 (1), 2023. P. 39–75.

Приложение А

Основные теоретические подходы к изучению этно-территориальных конфликтов

Таблица А. 1 – Теоретические подходы к изучению этно-территориальных конфликтов [43]

Подход	Основная идея	Ключевые авторы	Примеры конфликтов	Сильные стороны	Слабые стороны
1	2	3	4	5	6
Примордиализм	Этнические конфликты вызваны глубинными, неизменными различиями (язык, религия, история).	Клиффорд Гирц, Э. Геллнер	Армяно-азербайджанский конфликт (Карабах), израильско-палестинский конфликт	Подчеркивает силу этнической идентичности и объясняет эмоциональную мобилизацию	Игнорирует изменчивость идентичностей, преувеличивает роль древних факторов
Инструментализм	Этничность используется элитами как инструмент для мобилизации в борьбе за власть и ресурсы.	Пол Брасс, Валерий Тишков	Распад Югославии, геноцид в Руанде	Показывает роль политических манипуляций, объясняет рациональные мотивы элит	Не объясняет, почему массы поддерживают этническую мобилизацию
Конструктивизм	Этничность — социальный конструкт, создаваемый через мифы, СМИ, образование.	Бенедикт Андерсон, Эрик Хобсбаум	Конфликты в постсоветских государствах (Абхазия, Южная Осетия)	Объясняет искусственное создание границ между группами	Преуменьшает объективные факторы (экономика, история)
Структурный подход	Конфликты вызваны неравенством в доступе к ресурсам, власти и статусу.	Тед Роберт Гурр, Дональд Хоровиц	Северная Ирландия, Шри-Ланка (тамилы vs. сингалы)	Показывает связь конфликтов с социальными и экономическими факторами	Не объясняет, почему протест принимает этническую форму

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4	5	6
Геополитический подход	Конфликты спровоциро- ваны или усилены вмешательст- вом внешних акторов.	Владимир Колосов, Джерард Тоал	Косово (роль НАТО), Донбасс (роль России)	Учитывает влияние международной политики	Преувеличивае- т роль внешних сил, игнорируя внутренние причины
Социально- психологический подход	Конфликты возникают из-за групповой психологии (страх, стереотипы, коллективна- я память).	П. Робертс, Д. Бар-Тал	Сербско- хорватский конфликт, руандийский геноцид	Объясняет роль эмоций и пропаганды в эскалации	Трудно измерить эмпирически

Приложение Б

Политические аспекты этно-территориальных конфликтов

Таблица Б. 1 – Ключевые политические аспекты этно-территориальных конфликтов [42]

№ п/п	Аспект	Характеристика	Примеры
1	Историческая память и идентичность	Конфликты возникают из-за споров о принадлежности территорий на основе исторических прав, культурных традиций и национальной идентичности.	Нагорный Карабах (Армения и Азербайджан), Косово (Сербия и Албания), Палестина и Израиль.
2	Национальная безопасность и суверенитет	Государства стремятся сохранить контроль над спорными территориями, что может приводить к репрессиям против этнических меньшинств.	Конфликты в Дарфуре (Судан), Рохинджа (Мьянма), Чечне (Россия).
3	Роль внешних факторов	Вмешательство других государств или международных организаций, которые поддерживают одну из сторон конфликта.	Сирия (влияние России, США, Турции, Ирана), Украина (поддержка Запада и России), Ливия.
4	Ресурсные конфликты	Борьба за контроль над природными ресурсами (нефть, газ, вода, плодородные земли).	Конфликты в Нигерии (нефть), Южном Судане, Каспийском регионе.
5	Миграционные процессы, демографические изменения и	Массовые перемещения населения приводят к межэтнической напряженности, дискриминации и политическим кризисам.	Миграция в Европу (Ближний Восток, Африка), конфликты в Индии (Кашмир), США (латиноамериканская миграция).

Приложение В

История Нагорно-Карабахского конфликта

Таблица В. 1 – Хронология основных событий Нагорно-Карабахского конфликта
[13]

Год	Событие	Последствия
1918–1920	Армяно-азербайджанская война после распада Российской империи	Турецкая и британская интервенция. Временный раздел спорных территорий
1921	Решение Кавбюро РКП(б) о передаче НК Азербайджану	Создание предпосылок для будущего конфликта
1923	Образование НКАО в составе Азербайджанской ССР	Автономный статус с армянским большинством
1965	Первые массовые митинги в Ереване с требованием передачи НКАО Армении	Начало формирования диссидентского движения
1988	– Решение облсовета НКАО о выходе из АССР; – Сумгаитский погром	Эскалация насилия. Начало массового переселения
1991	– Референдум о независимости НКР – Распад СССР	Провозглашение НКР. Полномасштабные боевые действия
1992–1994	Первая Карабахская война	Победа армянских сил. Установление контроля над НКР и 7 районами Азербайджана
1994	Бишкекский протокол о перемирии	Замораживание конфликта на 26 лет
2016	«Апрельская война» – масштабные столкновения	Незначительные территориальные изменения. Усиление милитаризации
2020	Вторая Карабахская война (44 дня)	Возвращение Азербайджаном 5 районов и части НКР. Ввод российских миротворцев
2022–2023	Блокада НКР Азербайджаном Антитеррористическая операция Азербайджана	Полная капитуляция НКР. Исход армянского населения
2024	Ликвидация НКР. Переименование в «Карабахский экономический район»	Фактическое установление полного контроля Азербайджана над территорией

Приложение Г

Хронология основных событий в курдском вопросе

Таблица Г. 1 – Этапы развития курдского вопроса [67]

Период	Основные события и характеристики
XIX – нач. XX в.	Распад Османской империи, первые идеи курдского национализма. Севрский договор (1920) предполагал создание Курдистана, но не был реализован
1920–1950- е гг.	Подавление курдских восстаний (например, восстание шейха Саида в Турции, 1925). Создание Мехабадской республики в Иране (1946, просуществовала менее года)
1960–1970- е гг.	Активизация курдских партий: Демократическая партия Курдистана (Ирак), РПК (Турция, 1978). Вооруженная борьба за автономию
1980–1990- е гг.	– Ирак: Анфальская кампания Саддама Хусейна (1988), создание автономии после 1991; – Турция: Усиление конфликта с РПК; – Сирия: Поддержка РПК в обмен на уступки
2000–2010- е гг.	– Ирак: Фактическая независимость Иракского Курдистана (с 2005); – Сирия: Курды создают автономию в ходе гражданской войны (Рожава с 2012); – Турция: Возобновление конфликта с РПК
2020-е гг.– н.в.	– Сирия: Турецкие операции против курдов; – Ирак: Противоречия между Багдадом и Эрбилем; – Иран: Подавление протестов курдов; – Турция: Продолжение конфликта с РПК

Приложение Д

Географическое расположение региона Сахель

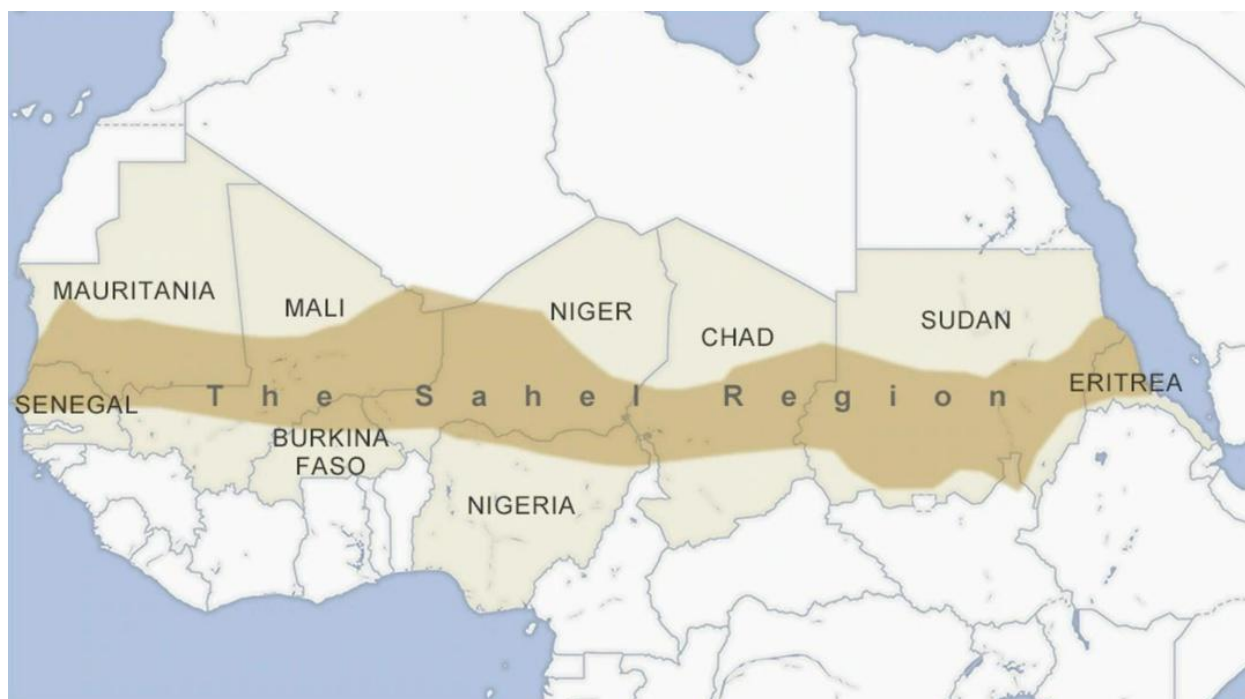

Рисунок Д. 1 – Расположение региона Сахель на карте Африки [52]